

FREDERICK

BEIGBEDER

ФРЕДЕРИК БЕГБЕДЕР

Любовь живет три года

Ирландская жемчужина в мире бестселлеров,
роман, принесший автору
мировую славу

THE BEST OF ИНОСТРАНКА

Annotation

Любовь живет три года – это закон природы. Так считает Марк Марронье, знакомый читателям по романам «99 франков» и «Каникулы в коме». Но причина его развода с женой никак не связана с законами природы, просто новая любовь захватывает его целиком, не оставляя места ничему другому. Однако Марк верит в свою теорию и поэтому с затаенным страхом ждет приближения роковой даты.

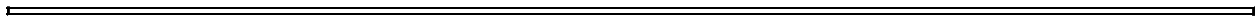
- [Фредерик БЕГБЕДЕР](#)

- [Часть I](#)

- [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII](#)
 - [XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [XXV](#)
 - [XXVI](#)

- [XXVII](#)
 - [XXVIII](#)
 - [XXIX](#)
 - [XXX](#)
 - [XXXI](#)
 - [XXXII](#)
 - [XXXIII](#)
 - [XXXIV](#)
 - [XXXV](#)
 - [XXXVI](#)
 - [XXXVII](#)
 - [XXXVIII](#)
 - [XXXIX](#)
 - [XL](#)
 - [XLI](#)
 - [XLII](#)
 - [XLIII](#)
 - [XLIV](#)
 - [XLV](#)
- [Часть II](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

Фредерик БЕГБЕДЕР

ЛЮБОВЬ ЖИВЕТ ТРИ ГОДА

Посвящается Софи Кристине де Шастенье и Жан-Мишелю Бегбедеру, без которых не родилась бы эта книга (и я тоже)

Как проигравший, я знаю, что говорю.

Скотт Фицджеральд

Ну и что ? Ну да! Надо называть вещи своими именами! Человек любит, а потом больше не любит.

Франсуаза Саган (на званом обеде у себя дома с Брижит Бардо и Бернаром Франком)

Часть I

СООБЩАЮЩИЕСЯ СОСУДЫ

I

Со временем любовь проходит

Любовь – это битва. Заранее проигранная.

Сначала все прекрасно, даже вы сами. Вы только диву даетесь, что можно быть таким влюбленным. Каждый день приносит новую порцию чудес. Никому на Земле никогда еще не было так хорошо. Счастье есть, оно проще простого: это чье-то лицо. Весь мир улыбается. Целый год ваша жизнь – одно сплошное солнечное утро, даже в сумерки и когда идет снег. Вы пишете об этом книги. Торопитесь жениться – чего тянуть, если вы так счастливы? Думать не хочется, от этого грустно; пусть жизнь сама решит за вас.

На второй год кое-что меняется. Вы стали нежнее. Гордитесь тем, как хорошо вы с вашей половиной притерлись друг к другу. Вы понимаете жену «с полуслова»; как здорово быть единым целым. Супругу принимают на улице за вашу сестру – вам это льстит, но и на психику действует. Вы занимаетесь любовью все реже и думаете: ничего страшного. Самонадеянно полагаете, что эта самая любовь крепнет с каждым днем, когда конец света уже не за горами. Вы выступаете в защиту брака перед приятелями-холостяками – те вас не узнают. А вы-то сами уверены, что узнаете себя, когда талдычите заученный урок, изо всех сил стараясь не смотреть на свеженьких девочек, от которых светлее на улице.

На третий год вы уже не стараетесь не смотреть на свеженьких девочек, от которых светлее на улице. Вы больше не разговариваете с женой. Проводите с ней долгие часы в ресторане, слушая, что лопочут соседи по столу. Вы с ней все чаще бываете вне дома: это повод, чтобы не трахаться. А вскоре наступает момент, когда вы не можете больше выносить свою половину ни секунды лишней, потому что влюбились в другую. Только в одном вы не ошиблись: последнее слово действительно всегда остается за жизнью. На третий год у вас две новости – хорошая и плохая. Хорошая новость: вашей жене все обрыдло и она от вас уходит. Плохая новость: вы начинаете новую книгу.

II

Развод по-праздничному

Когда едешь поддатый, главное – целься между домами и не промахнись. Марк Марронье жмет на газ, в результате чего его мотороллер набирает скорость. Он лавирует между машинами. Те мигают ему фарами, гудят, когда он их задевает, прямо как на свадьбах в сельской местности. Вот ведь ирония судьбы: Марронье-то как раз празднует свой развод. Сегодня он совершает турне по маршруту № 5-бис, и на счету каждая минута: пять мест за вечер («Кастель» – «Будда» – «Бюс» – «Кабаре» – «Куин») – это уже круто, а прикиньте, что 5-бис, как явствует из названия, выполняется дважды за ночь.

В таких местах он часто бывает один. Светские люди вообще одиночки, затерявшиеся в море смутно знакомых лиц. Они приободряются, пожимая руки. Каждый новый поцелуй – трофеем. Они тешат себя иллюзией собственной значимости, здороваясь со знаменитостями, хотя сами в жизни ни черта не сделали. Бывать они стараются только там, где шумно, – можно не разговаривать. Праздники на то и даны человеку, чтобы скрывать, что у него на уме. Мало кто знает больше народу, чем Марк, и мало кто так одинок.

А сегодняшний вечер – не просто праздник. Сегодня у него divorce-party! Ура! Для начала он купил в каждом заведении по бутылке. И, похоже, к каждой успел нехило присосаться.

Марк Марронье, ты Король Ночи, куда бы ты ни пришел, сам хозяин заведения лобызает тебя в губы, ты проходишь без очереди, тебя ждет лучший столик, ты знаешь всех по фамилиям, ты смеешься всем шуткам (особенно самым несмешным), тебе дают дури задаром, ты повсюду красуешься на фотографиях, непонятно, с какой стати, с ума сойти, как высоко ты взлетел за несколько лет в светской хронике! Набоб! «Светский лев»! Но скажи, объясни на минуточку, почему жена-то тебе сделала ручкой?

– Мы расстались по обоюдному несогласию, – цедит сквозь зубы Марк, входя в «Бюс».

Позже он добавляет:

– Я женился на Анне, потому что она была ангелом – и именно по этой причине мы развелись. Я думал, будто ищу любовь, пока в один прекрасный день не понял, что хочется мне прямо противоположного –

держаться от нее подальше.

Тихий ангел пролетает некстати, и Марк меняет тему.

– Черт возьми! – рывкает он. – А девочки-то здесь ничего, жаль, я зубы не почистил, когда собирался. Оп-ля! Мадемуазель, вы чудо как хороши. Будьте любезны, разрешите вас раздеть!

Он такой, Марк Марронье: прикидывается крутым в своем бархатном костюмчике, потому что быть нежным стыдится. Ему стукнуло тридцать: межеумочный возраст, когда ты слишком стар, чтобы быть молодым, и слишком молод, чтобы быть старым. Он делает все, чтобы походить на свою репутацию: не дай бог кого-нибудь разочаровать. Он так старался расширить свой послужной список, что превратился в карикатуру на самого себя. Ему надоело доказывать, что у него добрая и глубокая душа, вот он и строит из себя злюку и верхогляда, нарочно демонстрирует буйный, а то и грубоватый нрав. Так что, когда он выбегает на танцпол с криком: «Ур-р-ра! р-р-развелся!» – нет желающих его утешать. Только лазерные лучи пронзают сердце, как острые клинки.

Наступает час, когда переставлять ноги становится сложной операцией. Пошатываясь, он вновь седлает мотороллер. Ночь холодная. Газанув с места в карьер, Марк чувствует, как по щекам текут слезы. От ветра, наверно. Его веки все так же каменно неподвижны. Шлема он не надевает. Дольче Вита? Что за Дольче Вита? Где она? Слишком много воспоминаний, слишком многое надо забыть, адова будет работенка-стереть все это из памяти, сколько прекрасных минут придется пережить взамен тех, прежних.

Он встречается с друзьями в «Бароне» на авеню Марсо. Шампанское втридорога, девочки тоже. Например, если хочешь потрахаться с двумя – выкладывай шесть тысяч, а с одной – три. И даже скидок не делают. Они требуют заплатить наличными; Марк со своей кредиткой выходит к банкомату; они везут его в гостиницу, разоблачаются в такси, сосут его на пару, а он знай нажимает на головы; в номере они мажутся душистым кремом, он вставляет одной и лижет другую; через некоторое время, поняв, что не кончит, симулирует оргазм, после чего идет в ванную, чтобы украдкой выбросить пустой презерватив.

В такси на обратном пути, ранним утром, он слышит:

Алкоголь слегка горчит,
День прошел – и день убит.
Захудалый музыкант
На мосту

Моей жизни заиграл
Пустоту.

(Кристоф, «Прекрасный чудак».)

Он решает впредь перед выходом мастурбировать, чтобы больше не
попутал бес вытворять невесть что.

III

На пляже, совсем один

Всем привет, я автор. Добро пожаловать в мои мозги, извиняюсь за вторжение. Не буду больше морочить вам голову: я и есть мой главный герой. Все, что обычно со мной происходит, – так, семечки. Никто от этого не умирает. Например, ноги моей никогда не было в Сараево. Мои драмы разыгрываются в ресторанах, ночных клубах и квартирах с лепниной. Самая большая трагедия, которую мне пришлось в последнее время пережить, – меня не пригласили на чествование Джона Гальяно. И вдруг на тебе: ни с того ни с сего я подыхаю, до того мне плохо. Я помню время, когда все мои друзья пили горькую, потом – ширялись, потом – женились, а теперь вот пошел период, когда все разводятся, перед тем как подохнуть. А происходит это, между прочим, в самых веселых местах, здесь, например, на Красном Парусе, пляже в Сен-Тропе, жара, евроданс на стойке бара, чтобы освежить люмпен-кисок в бикини, их поливают «Кристал Рёдерером» за миллион старыми 0,75 л, а потом обсасывают им пупки. Во всех углах вымученно хихикают. Утопиться бы в море, но слишком много народу катается на водных лыжах.

Как же я допустил, чтобы показуха до такой степени подмяла мою жизнь? Часто говорят: «Надо спасать лицо». А я говорю, лицо надо убивать, только так и спасетесь сами.

IV

Самый грустный человек, которого я встречал на своем веку

Есть зимой в Париже такие места, где как-то особенно холодно. Сколько ни пей крепких напитков, кажется, будто пурга насквозь продувает бары. Надвигается ледниковый период. Даже в толпе пробирает колотун.

Я все делал правильно: родился в хорошей семье, учился в лицее Монтеня, потом в лицее Людовика Великого, получал высшее образование в институтах, где вращался среди интеллигентных людей; я приглашал их потанцевать, находились и такие, что давали мне работу; я женился на самой красивой из всех моих знакомых девушек. Почему же здесь так холодно? В какой момент я дал промашку? Я ведь хотел только доставить вам удовольствие, а мне не так уж трудно было соответствовать. Ну почему я не имею права жить как все? Почему вместо простого счастья, которым меня поманили, мне достались одни сложности и раздраз?

Я мертвый человек. Я просыпаюсь утром, и мне нестерпимо хочется одного – спать. Я одеваюсь в черное: ношу траур по себе. Траур по человеку, которым не стал. Я шагаю, как автомат, по улице Искусств – по улице, где умер Оскар Уайльд, совсем как я. Иду в ресторан, где ничего не ем. Метрдотели обижаются, что я не притрагиваюсь к блюдам. А вы много видели мертвецов, которые доедают горячее и облизываются? То есть все, что я пью, я пью натошак. Что хорошо: быстро пьянею. Что плохо: наживаю язву желудка.

Я больше не улыбаюсь. Это выше моих сил. Я умер и похоронен. У меня не будет детей. Мертвецы не производят на свет потомства. Я мертвец,жимающий руки знакомым в кафе. Очень общительный мертвец и очень замерзший. Я, наверно, самый грустный человек, которого я встречал на своем веку.

Зимой в Париже, когда температура падает ниже нуля, человеку позарез нужны зальчики в глубине кафе, где свет горит всю ночь. Там, забившись в стадо, чтобы никто не видел, можешь наконец начать дрожать.

V

Срок годности

Можно быть высоким брюнетом и плакать. Для этого достаточно вдруг обнаружить, что любовь живет три года. Узнать подобную истину пожелаю и злейшему врагу (это фигура речи – врагов у меня не имеется). У снобов нет врагов, потому-то они обо всех и злословят: пытаются их заиметь.

У комара век-один день, у розы-три. У кошки век тринадцать лет, у любви – три года. И ничего не попишешь. Сначала год страсти, потом год нежности и, наконец, год скуки.

В первый год говорят: «Если ты уйдешь, я ПОКОНЧУ с собой».

На второй год говорят: «Если ты уйдешь, мне будет больно, но я выживу».

На третий год говорят: «Если ты уйдешь, я обмою это шампанским».

И никто вас не предупредит, что любовь живет только три года. Вся эта любовная афера строится на строжайшем соблюдении тайны. Вам внушают, что это на всю жизнь, а на самом деле любовь химически перестает существовать по истечении трех лет. Я сам вычитал в одном женском журнале: любовь – это кратковременное повышение уровня дофамина, норадреналина, пролактина, люлиберина и окситацина. Малюсенькая молекула фенил-этиламина (ФЭА) вызывает определенные ощущения: приподнятое настроение, возбужденность, эйфорию. Любовь с первого взгляда – это в нейронах лимбической системы происходит насыщение ФЭА. А нежность – это эндорфины (опиум для двоих). Общество водит вас за нос: вам впаривают великую любовь, когда на самом деле научно доказано, что эти гормоны действуют только три года.

Впрочем, статистика говорит сама за себя: страсть длится в среднем 317,5 дня (что, интересно знать, происходит в последние полдня...), а в Париже из трех браков два распадаются в первые три года. В демографических ежегодниках ООН специалисты по переписи населения с 1947 года задают вопросы о разводе жителям шестидесяти двух стран. Большинство пар разводятся на четвертом году брака (это значит, что процедура была начата в конце третьего года).

Финляндии, России, Египте, Южно-Африканской Республике у сотен миллионов опрошенных ООН мужчин и женщин, которые говорят на разных языках, работают в разных областях, по-разному одеваются, пользуются разной валютой, молятся разным богам и боятся разных бесов,

питают бесконечно разнообразные надежды и иллюзии... кривая разводов стремительно идет вверх после трех лет совместной жизни". Это общее место – всего лишь еще одно унижение.

Три года! Статистика, биохимия, мой личный опыт: срок любви один и тот же. Не нравятся мне такие совпадения. Почему три года, а не два, не четыре или, скажем, шестьсот? На мой взгляд, это подтверждает существование трех этапов, которые не раз выделяли Стендаль, Барт и Барбара Картленд: Страсть-Нежность-Скука, цикл из трех ступеней, каждая длиной в год – триада, незыблемая, как Святая Троица.

В первый год покупают мебель.

На второй год мебель переставляют.

На третий год мебель делят.

Все сказано в песне Ферре: «Со временем любовь проходит». Кто вы такие, чтобы тягаться с железами и нейромедиаторами, которые неизбежно вас подведут точно в срок? Ладно бы лирика, с поэтами можно поспорить, но против естественных наук и демографии не попрешь.

VI

Дальше некуда

Домой я добрался еле живой. Господи, ну разве можно доводить себя до такого состояния, в моем-то возрасте! Культ зеленого змия – в восемнадцать лет еще куда ни шло, но в тридцать – это уже патетика. Я проглотил пол-экстази, чтобы без проблем целоваться с незнакомками. Иначе не решился бы попытаться счастья. Сколько девочек я так и не поцеловал, испугавшись получить по морде, – не сосчитать. В этом мое обаяние: я не уверен, что оно у меня есть. В «Куин» две поддатые блондинки, ничего, хорошенькие – они шарили язычками у меня в ушах, создавая эффект стереофонического бульканья, – спросили:

– К тебе поедем или к нам?

Устроив коллективный засос обеим сразу (и покусав четыре грудки), я гордо ответил:

– Вы к себе, а я к себе. У меня нет с собой резинок, и потом, я сегодня праздную развод, так что буду мандражить – вдруг у меня не встанет.

Я оседлал мотороллер и вернулся в свою пустую квартиру. Рука страха сжала мне желудок: дошло экстази. А толку-то: очень надо было всю ночь убегать от самого себя, чтоб под конец быть настигнутым у себя дома? В кармане пальто я нарыл остатки кокаина в конверте. Втянул прямо с крафтовой бумаги. Хоть немного развеет хандру. У меня остался белый порошок на кончике носа. Спать больше не хочется. Уже утро, скоро Франция примется за работу. А в это время один застрявший в детстве выюнош не двинется с места. Слишком косой, чтобы спать, читать или писать, я буду часами смотреть в потолок, стискивая зубы. Красная рожа и белый нос – я вижу в зеркале клоуна на негативе.

На работу я сегодня не пойду. Есть чем гордиться: отказался от бисексуального группака назавтра после развода. Обрыдли все эти телки, с которыми спишь, но просыпаться не хочешь. Кроме разве что убежавшего из кастрюльки молока, мало найдется на земле зрелищ более жалких, чем я.

VII

Рецепт для поднятия настроения

Повторяйте почаще три следующие фразы:

1. СЧАСТЬЯ НЕТ.
2. ЛЮБОВЬ – СКАЗКИ.
3. И НИЧЕГО СТРАШНОГО.

Кроме шуток, выглядит по-дурацки, но этот рецепт мне, может быть, спас жизнь, когда я дошел до ручки. Попробуйте сами в следующую нервную депрессию. Очень рекомендую.

Вот вам еще список грустных песен, которые полезно слушать, чтобы выбраться из ямы: «April come she will» Саймона & Гарфун-келя (20 раз), «Something in the way she moves» Джеймса Тейлора (10 раз), «Если бы тебя не было» Джо Дассена (5 раз), «Sixty years on» и «Border song» Элтона Джона (40 раз), «Everybody hurts» группы REM (5 раз), «Несколько слов любви» Мишеля Берже (40 раз, но лучше никому не говорите), «Memory Motel» «Роллинг Стоунз» (8 с половиной раз), «Living without you» Рэнди Ньюмена (100 раз), «Caroline No» «Бич Бойз» (600 раз), «Крейцера соната» Людвиг ван Бетховена (6 тысяч раз). Отличная сборная солянка – у меня уже и слоган готов:

Сбор врачует ум,
Сбор для черных дум.

VIII

Для тех, кто пропустил начало

В свои тридцать лет я все еще не способен посмотреть в глаза красивой девушке, не покраснев. Нет, это надо же иметь такую впечатлительную натуру! Чтобы влюбиться по-настоящему, я слишком пресыщен; чтобы оставаться равнодушным – слишком чувствителен. Короче, слишком слаб, чтобы долго быть женатым. Ну какая муха меня укусила? Конечно, велик соблазн отослать вас к предыдущим двум томам, но это было бы не совсем fair play, если учесть, что сии романтические шедевры были разделаны под орех вскоре после их скромного успеха.

Итак, краткое содержание предыдущих серий: я был неисправимым прожигателем жизни, чистым продуктом нашего общества бесполезной роскоши. Родился 21 сентября 1965-го, через двадцать лет после освобождения Освенцима, в первый день осени. Я появился на свет в день, когда с деревьев начинают падать листья, в день, когда дни укорачиваются. Отсюда, наверно, моя природная разочарованность. Я зарабатывал на хлеб насущный, нанизывая слова, в газетах или рекламных агентствах – последние предпочтительнее, так как больше платят за меньшее количество слов. Приобрел известность организацией праздников в Париже в ту пору, когда в Париже не стало праздников. К словам это не имеет никакого отношения, однако так я сделал себе имя, потому, наверно, что в наши дни нанизыватели слов считаются фигурами менее значительными, чем люди, фигурирующие на снимках в иллюстрированных журналах, в разделе «Ночная жизнь».

Я удивил тех, кому была интересна моя биография, когда женился по любви. Однажды я заглянул в голубые глаза, и мне привиделась в них вечность. Я, порхавший с вечеринки на вечеринку, от профессии к профессии, чтобы не оставалось времени хандрить, вообразил, будто счастлив.

Анна, моя жена, была неземным созданием ослепительной, почти невероятной красоты. Слишком хороша, чтобы быть счастливой, – но это дошло до меня безнадежно поздно. Я мог смотреть на нее часами. Иногда она замечала это и сердилась. «Перестань глазеть, – просила она, – не смущай меня». Но я все равно смотрел – она стала моим самым любимым объектом для созерцания. Парни вроде меня, считавшие себя в детстве уродами, обычно так удивляются, пленив красивую девушку, что делают ей

предложение, пожалуй, слишком поспешно.

Дальнейшее не блещет оригинальностью: скажем, дабы не вдаваться в подробности, что квартира, в которой мы поселились, была мала для такой большой любви. Мы сами не заметили, как стали проводить все больше времени вне дома, и нас затянуло в весьма сомнительный водоворот. Люди говорили о нас:

– Эти двое развлекаются напропалую.

– Да, бедняги... Наверно, плохи у них дела!

И люди были не совсем неправы, хоть и радовались возможности заполучить красавицу на свои паршивые вечеринки.

Так уж устроена жизнь: стоит вам почувствовать себя хоть чуточку счастливым, она не замедлит призвать вас к порядку.

Мы изменили обетам, по очереди.

Мы расстались так же, как поженились: не понимая толком почему.

Брак – это колоссальная афера, чудовищное надувательство, чистой воды обман, на который мы купились, как малые дети, это нас и погубило. Почему? Как? Да очень просто. Допустим, молодой человек делает предложение любимой девушке. Он едва жив от страха (ах, как это мило!), он краснеет, потеет, мямлит, а у нее блестят глаза, она нервно хихикает, просит повторить: что ты сказал? Но как только она отвечает «да» – все, на них наваливаются обязанности, перечень бесконечен, семейные обеды и ужины, списки гостей, примерки платьев, ссоры, как водится, ни рыгнуть, ни пукнуть не могли при тестях-свекрах, держись прямо, улыбайся, улыбайся, кошмару не видно конца, а ведь это только начало: дальше – больше, сами убедитесь, все устроено так, чтобы они друг друга возненавидели.

IX

Дождь над Копакабаной

Сказки бывают только в сказках. Правда куда непригляднее. Правда вообще всегда неприглядна, поэтому все и лгут.

Правда – это фотография другой женщины, по моему недосмотру найденная у меня в дорожной сумке, в Рио-де-Жанейро (Бразилия), в канун Нового года. Правда в том, что любовь начинается с роз, а заканчивается шипами. Анна искала щетку для волос, а волосы у нее встали дыбом при виде поляроидного снимка в комплекте с любовными письмами, написанными не ее рукой.

В аэропорту Рио Анна меня послала. Она хотела улететь в Париж одна, без меня. Мне нечего было ей возразить. Она удивленно плакала. Оторопь человека, в двадцать секунд потерявшего все. Прелестная девочка вдруг обнаружила, что жизнь ужасна и что брак ее рухнул. Она ничего не видела вокруг себя – ни аэропорта, ни очередей, ни информационных табло, все исчезло, кроме меня, ее палача. Как я жалею сегодня, что не сгрел ее в объятия! Но я комплексовал, потому что она лила и лила слезы и все пилились на меня. Всегда как-то неловко выглядеть подонком на людях.

Мне бы попросить прощения, а я сказал: «Иди, опоздаешь на посадку». Я ничего не сделал, чтобы спасти ее. При одной мысли об этом мой длинный подбородок до сих пор ходит ходуном. Глаза у нее были молящие, скорбные, мокрые, ненавидящие, усталые, тревожные, разочарованные, наивные, гордые, презрительные и все равно по-прежнему голубые. Никогда не забуду: эти глаза узнали, что такое боль. Придется мне привыкать жить с этой пакостью, никуда не денешься. Жалуют страдальцев, но не мучителей. Сам разбирайся, старина, как большой. Ты – человек, не сдержавший обещаний. Вспомни, как сказано в конце «Адольфа»^[1]: «Самая главная проблема в жизни – это страдание, которое причиняешь, и самая изощренная философия не может оправдать человека, истерзавшего сердце, которое его любило».

Потом я бродил один по Копакабане, с разбитым сердцем, пил, одинокий, как никто и никогда на этом свете, двадцать каипиринхас^[2], мне было дерьмово, я чувствовал себя негодяем и чудовищем. Стать бы каким-нибудь холодным камнем. Впервые за десятки лет на Новый год в Рио шел дождь. Кара Божья. Стоя на коленях на песке, под оглушительный

барабанный бой в ритмах самбы, я тоже пролился дождем.

Бывают такие ночи, когда спать – непозволительная роскошь. Спать ради того, чтобы проснуться от дурного сна. Чтобы ничего этого вообще не было. Хочется вычеркнуть собственную жизнь. Потому что, когда заставляешь страдать другого, хуже всего делаешь самому себе.

Да, это правда, я прекрасно помню ту ночь, когда перестал спать. Миллион бразильцев в белом под дождем на пляже. Колоссальный фейерверк над Меридианом. Надо бросить в океан белые цветы и загадать желание, тогда боги исполнят его в наступившем году. Я швырнул букет в волны и очень-очень сильно пожелал, чтобы все уладилось. Не знаю, что случилось – то ли цветы мои были плохи, то ли боги отвлеклись. Во всяком случае, желание так и не сбылось.

Х

Дворец Правосудия в Париже

Развод легким не бывает. В какую же мы превратились мразь, если думаем, что это пустяки? Анна положила на меня. Она вверила мне свою жизнь перед Богом (и, что еще значительнее, – перед Французской Республикой). Я подписал обязательство, тем самым взявшись всегда заботиться о ней и воспитывать наших детей. На развод подала она – все правильно, ведь предложение брака делал я. Детей у нас не будет, и тем лучше для них. Я предатель и подлец, какой из меня отец семейства! Я признаю себя виноватым, чтобы избавиться от комплекса вины.

Почему никто не приходит на разводы? Когда я женился, вокруг меня были все мои друзья. А в день моего развода я совершенно один, с ума сойти. Ни свидетелей, ни шаферов, ни родственников, ни поддатых приятелей, которые бы хлопали меня по спине. Ни цветов, ни венков. Я бы не прочь, чтобы в меня чем-нибудь бросали, ну ладно, не горстями риса, так хоть гнилыми помидорами, например. На выходе из Дворца Правосудия такой метательный снаряд – самое оно. Где они, все мои родные и близкие, которые обжирались птифурами на моей свадьбе, а теперь меня знать не хотят, хотя надо бы наоборот – жениться следует в одиночестве, а разводиться при поддержке всех друзей?

Говорят, в каких-то англиканских церквях устраивают церемонии полюбовного развода, с благословением расстающихся супругов и торжественной передачей пастору обручальных колец. «Святой отец, я возвращаю это кольцо в знак того, что мой брак расторгнут». По-моему, в этом что-то есть. Папе Римскому следовало бы рассмотреть вопрос: представляете, народ ведь валом повалит в церкви, и потом, перепродажа обручальных колец принесет доходу больше всяких пожертвований, точно? Богатая идея, говорю я себе, в то время как судья по бракоразводным делам предлагает помириться. Он спрашивает нас с Анной, уверены ли мы, что хотим развестись. Говорит так, будто мы четырехлетние дети. Меня так и подмывает ответить, что нет, мы просто поиграть в теннис пришли. Но потом, подумав, я понимаю, что он видит нас насквозь: он прав, мы и есть дети года по четыре.

Развод – это потеря духовной невинности. За отсутствием «славной войны», которая нам бы не повредила, только такого рода катастрофы (в одном ряду с утратой матери или отца, параличом после автомобильной

аварии, потерей крова над головой в результате незаконного увольнения) учат нас быть мужчинами.

...А что, если адюльтер сделал меня взрослым?^[3]

Можно притворяться, будто развод нам нипочем, но скоро наступает ужасная пора, когда мы понимаем, что перешли от «Спящей красавицы» к «Нам не состариться вместе». Прощайте, чудные мгновения, надо забыть пленительные прозвища, которыми мы называли друг друга, сжечь фотографии свадебного путешествия, выключать радио, услышав знакомую песенку, если мы когда-то напевали ее вместе. Вас выводят из себя невинные фразы вроде: «Как мне одеться?» или «Что мы делаем сегодня вечером?» – они связаны с неприятными воспоминаниями. Глаза у вас почему-то на мокром месте всякий раз, когда кто-то кого-то встречает в аэропорту. И даже Песнь Песней становится пыткой: «Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях... Пленила ты сердце мое, сестра моя, невеста! пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей».

Если нам и суждено еще встретиться, то только в присутствии улыбчивой адвокатши, которая вдобавок будет столь бестактна, что окажется до зубов беременной. Мы чмокнем друг друга в щечку, словно старые друзья. Пойдем куда-нибудь выпить кофе вместе, как будто Земля не рухнула и по-прежнему вертится. Поболтаем вполне весело, а потом расстанемся как ни в чем не бывало, зная, что это навсегда. «До свидания» будет последней ложью.

XI

Тридцатилетний мужчина

В нашей среде не задаются никакими вопросами, пока не доживут до тридцати лет, а тогда бывает уже поздно на них отвечать.

Вот как это происходит: тебе двадцать лет, ты делаешь глупость-другую, потом вдруг просыпаешься – а тебе уже тридцать. Вот и все: никогда больше твой возраст не будет начинаться на двойку. Надо решиться быть на десять лет старше, чем десять лет назад, и весить на десять кило больше, чем в прошлом году. Сколько лет тебе осталось? Десять? Двадцать? Тридцать? Средняя продолжительность жизни сулит сорок два, если ты мужчина, и пятьдесят, если женщина. Но она не учитывает болезней, выпадающих волос, маразма, пятен на руках. Никто не задает себе вопросов типа: удалось ли нам взять от жизни лучшее? Не следовало ли прожить ее иначе? Живем ли мы с тем человеком, в том месте? Что может предложить нам этот мир? С рождения до смерти наша жизнь идет на автопилоте, и надо обладать сверхчеловеческим мужеством, чтобы изменить ее ход.

В двадцать лет я думал, что знаю о жизни все. В тридцать выяснилось, что я не знал ничего. Десять лет я потратил, чтобы узнать то, что потом придется выбросить из головы.

Все было слишком прекрасно. С идеальными парами надо держать ухо востро: они слишком собой любуются; они натужно улыбаются, словно делают рекламу новому фильму на Каннском фестивале. Что плохо в браке по любви – он сразу берет слишком большую высоту. Единственная удивительная вещь, которая может произойти с браком по любви, – крушение. А иначе – что? Жизнь кончена. Мы побывали в раю, еще не начав жить. Так и сиди до самой смерти в одном и том же прекрасном фильме с одними и теми же безупречными исполнителями. Это не жизнь. Когда имеешь все и сразу, рано или поздно начинаешь ждать катастрофы как избавления. Уповать на беду.

Я долго не мог себе признаться, что женился для окружающих, что женитьба – поступок, который совершают не для себя. Мы женимся, чтобы позлить друзей или порадовать родителей или ради того и другого вместе, а иногда наоборот. В наши дни девять десятых бонтонных свадеб представляют собой этакую повинность, светские церемонии, на которые припертые к стенке родители рассылают приглашения. Иногда, в особо

тяжелых случаях, родители невесты сначала выясняют, фигурирует ли будущий зять в справочнике «Кто есть кто», прикидывают вес обручального кольца – много ли каратов, – и требуют освещения в светской хронике «Монд». Но это уж действительно крайности. Мы женимся точно так же, как сдаем экзамены на аттестат зрелости или на водительские права: всегда одни и те же рамки, в которые надо втиснуться, чтобы быть как все, как все, КАК ВСЕ любой ценой. Если лучше всех не получается, стараешься хоть не отставать, а то, чего доброго, окажешься хуже всех. И это лучший способ погубить настоящую любовь.

А ведь брак не только стереотип, навязанный нам буржуазным воспитанием: это еще и предмет колоссальной идеологической обработки, к которой приложили руку реклама, кинематограф, журналистика и даже литература, всеобщее охмурение, которое в результате сводит мечты прелестных барышень к колечку на пальце и белому платью, что без этого им бы и в голову не пришло. О Великой Любви – да, с ее взлетами и падениями, о ней они бы, конечно, грезили, иначе зачем жить? Но о Браке, Институте-превращающем-Любовь-в-Обузу, «лямке пожизненной любви и союза до гроба» (Мопассан) – никогда. В более совершенном мире двадцатилетние девушки не клевали бы на такую туфту. Они мечтали бы об истинном чувстве, о страсти, об абсолюте – но уж не об абы ком во взятом напрокат фраке. Они ждали бы Мужчину, который сумеет удивлять их каждый божий день, а не Мужчину, который будет дарить им стеллажи из «Икеи». Они дали бы Природе – иначе говоря, желанию – делать свое дело. Увы, разочарованные мамы желают своим дочкам аналогичного несчастья, а сами дочери видели слишком много мыльных опер. И они ждут Прекрасного Принца, вбив себе в голову этот дурацкий рекламный образ, который плодит неудачниц, будущих старых дев и мегер, потому что счастливыми-то их сделать может только мужчина, далекий от совершенства.

Понятное дело, буржуа будут клятвенно уверять вас, что это вчерашний день, что теперь иные нравы, но поверьте горькому опыту пострадавшего: никогда давление не было таким сильным, как в нашу псевдосвободную эпоху. Брачный тоталитаризм продолжает каждый день увековечивать несчастье из поколения в поколение. Нас заманивают в эти сети во имя надуманных и затасканных принципов с единственной тщательно скрываемой целью снова и снова приумножать наследство горя и лицемерия. Ломать жизни – по-прежнему любимый спорт старых французских семей, и они свое дело знают туго. Поднаторели. Да, и сегодня можно с тем же успехом написать: семьи, я вас ненавижу^[4].

Ненавижу еще сильнее оттого, что взбунтовался поздно, слишком поздно. В сущности-то, мне все очень нравилось. Я, чурбан неотесанный беарнских корней, лопался от гордости, женившись на Анне, фарфоровой аристокиске. Я был недалек, самодоволен, наивен и глуп. Теперь расплачиваюсь. Я заслужил это фиаско. Я был, как все, как вы, мои читатели, уверен, что составляю исключение, подтверждающее правило. Разумеется, меня чаша сия минует, уж мы-то перейдем эту реку, не замочив ног. Крушение – это только у других. Но в один прекрасный день любовь ушла – и я будто очнулся. Еще какое-то время я старался быть любящим мужем. Но я слишком долго лгал самому себе, чтобы не начать рано или поздно лгать еще кому-то.

XII

Утраченные иллюзии

Наше поколение слишком поверхностно для брака. Нам жениться – все равно что в «Макдоналдс» сходить. А потом – порхаем. Ну как, спрашивается, прожить всю жизнь с одним человеком в обществе тотального порхания? В эпоху, когда кумиров, президентов, искусства, пол, религию меняют как перчатки? С какой стати чувству под названием любовь нить исключением из всеобщей шизофрении?

И потом, главное, откуда этот странный пунктик, почему надо из кожи вон лезть, чтобы быть счастливым непременно с одним-единственным человеком? Из 558 типов человеческих обществ моногамны только 24%. Большинство видов животных полигамны. Об инопланетянах и говорить нечего: Галактическая Хартия Х23 давным-давно запретила моногамию на всех планетах типа В#871.

Брак – это икра на завтрак, на обед и на ужин: тем, что обожаешь, тоже можно обожраться до тошноты. «Ну пожалуйста, еще немножко! Что? Больше не можете? А ведь еще совсем недавно вам так нравилось, что это с вами? Ну-ка ешь, гадкий мальчик!»

Сила любви, невероятная ее власть, видно, и впрямь повергала в трепет западное общество, если оно создало эту систему, имеющую целью отвлечь вас от того, что вы любите.

Один американский исследователь недавно доказал, что неверность имеет биологическую природу. Неверность, по мнению сего ученого светила, – это генетическая стратегия, благоприятствующая выживанию вида. Вообразите на минуточку семейную сцену: «Любимая, я изменил тебе не ради удовольствия – исключительно ради выживания вида, представь себе! Может, тебе это и до лампочки, но кто-то же должен позаботиться о выживании вида! Если ты думаешь, что мне было в кайф...»

Я никогда не останавливаюсь на достигнутом: если мне нравится девушка, я хочу влюбиться, влюбился – хочу ее поцеловать, поцеловал – хочу с ней переспать, переспал – хочу поселиться под одной крышей, живу под одной крышей – хочу жениться, женился – встречаю другую девушку, которая нравится. Мужчина – животное ненасытное, он вечно выбирает из нескольких вариантов фрустрации. Будь женщины похитрее, не давались бы в руки, чтобы заставить бегать за ними всю жизнь.

Единственный вопрос в любви – вот он: когда мы начинаем лгать? Все так же ли вы счастливы, возвращаясь домой, где вас ждет все тот же человек? Когда вы говорите ему «люблю», вы по-прежнему так думаете? Наступает – неизбежно наступает – момент, когда вам приходится делать над собой усилие. Когда у «люблю» уже не будет того вкуса. Для меня первым звоночком стало бритье. Я брился каждый вечер, чтобы не колоть Анну щетиной, целуя ее в постели. А потом однажды ночью – она уже спала (я был где-то без нее, вернулся под утро, типичное мелкое свинство из тех, что мы себе позволяем, оправдываясь семейным положением) – взял и не побрился. Я думал, ничего страшного, она ведь и не заметит. А это значило просто, что я ее больше не люблю.

Разводясь, всегда покупают «Расставание» Дана Франка. Там такая душещипательная первая сцена: в театре, во время спектакля, мужчина понимает – жена его больше не любит, только потому, что она отнимает руку, которую он держит в своей. Он пытается снова взять ладонь жены в свою, а она снова выдергивает ее. Я думал: вот дрянь-то! Ну зачем так измываться? Неужели так трудно оставить свою руку в руке мужа, черт возьми? Думал, пока то же самое не случилось со мной. Я стал отталкивать Аннину руку сплошь и рядом. Она, скажем, ласково возьмет меня за руку, или за локоть, или положит ладонь мне на колено, когда мы вместе смотрим телевизор, – и что же я вижу? Вялая белесая ладошка, мягкая такая, на ощупь вроде резиновой перчатки. Меня так и передергивало. Как будто осьминога в руку сунули. Я ел себя поедом: Господи, как же я докатился до такого? Сам стал дрянью из книги Дана Франка. А Анне еще надо было переплетать свои пальцы с моими. Я делал над собой усилие, невольно морщась. Всклакивал, будто бы мне приспичило в туалет, а на самом деле – только чтобы избавиться от этой руки. Потом возвращался, совесть меня мучила, садился и смотрел на эту руку, которую раньше любил. Руку, которую я попросил у нее перед Богом. Руку, за которую три года назад отдал бы жизнь, чтобы вот так держать ее в своей. Смотрел и ничего не чувствовал – только отвращение к себе, стыд за нее, безразличие и желание разнюниться. И я прижимал к груди этого мягкого спрута и приникал к нему поцелуем, мокрым от печали и досады.

Любовь кончается, когда нельзя вернуться назад. Так приходит осознание: вода тихо течет под мостами, мы не понимаем друг друга, мы расстались и сами не заметили как.

XIII

Flirting with disaster

В эту ночь рекордного загула со мной заговорил кто-то из ребят (убей, не помню кто, когда и уж тем более где).

– Почему ты такой кислый? Помню, что я так прямо и ответил:

– Потому что любовь живет три года. Это, видимо, подействовало: дружка как ветром сдуло. Я взял эту реплику на вооружение и повторяю ее везде, где появляюсь. Я хандрю, меня спрашивают почему, и я выдаю:

– Потому что любовь живет три года.

Я нахожу свой ответ офигительно крутым. Со временем мне даже подумалось, что это было бы неплохое название для книги.

Любовь живет три года. Даже если вы женаты сорок лет, в глубине души, признайтесь, вы согласны, что это правда. Вы прекрасно понимаете, от чего отrekliсь, знаете, в какой момент совершили предательство. В какой роковой день перестали бояться.

Слышать, что любовь живет три года, неприятно; это вроде как «факир был пьян, и фокус не удался» или как звонок будильника посреди эротического сна. Но надо, надо разрушить миф о вечной любви, основу нашего общества, причину наших бед.

Через три года он и она должны расстаться, или покончить с собой, или обзавестись детьми – три возможных способа расписаться в своем поражении.

Нам часто говорят, что по прошествии времени страсть превращается в «нечто иное», более прочное и прекрасное. Что это «иное» и есть Любовь с большой буквы, чувство, конечно, не такое трепетное, зато и менее незрелое. Буду называть вещи своими именами: я это «иное» в гробу видал, если это Любовь, извините-подвиньтесь, я такую Любовь оставляю людям ленивым и малодушным, «зрелым», так сказать, которым комфортно в чувствах комнатной температуры. Моя любовь – с маленькой буквы, зато она большая; век у нее недолгий, но уж когда она есть, ее всеми печенками чувствуешь. Их «иное» – туфта для тех, кто довольствуется малым и успокаивает себя: мол, все равно ничего лучше не бывает. Они напоминают мне завистников, которые царапают дверцы роскошных машин, потому что самим такие не по карману.

Кончается апокалипсический вечер. Хочется всех послать, в желудке тяжесть. Около пяти утра я звоню Аделине Н. – это значит, что мне и

вправду хреново. У меня есть ее домашний номер. Трубку снимает она: «Алло? Алло? Кто говорит?» Голос хриплый. Я ее разбудил. Почему она не включила автоответчик? Я не знаю, что ей сказать. «Э-э... Извини, что разбудил... я, собственно, только хотел пожелать тебе доброй ночи...» «КТО ЭТО? ВЫ СПЯТИЛИ, МАТЬ ВАШУ?!» Я вешаю трубку. Сажу неподвижно, обхватив голову руками, и выбираю между упаковкой лексомила и петлей – а почему бы не то и другое вместе? Вербки у меня нет, но есть галстуки от Пола Смита, можно связать несколько штук, будет самое то. Английские кутюрье всегда шьют из очень прочных материалов. Я прилепляю записку к телевизору: «ЕСЛИ МУЖЧИНА ПОСЛЕ 30 ЛЕТ ЕЩЕ ЖИВ, ТО ОН МУДАК». Как хорошо, что я снял квартиру с декоративными потолочными балками. Достаточно встать на стул, сюда, вот так, потом выпить стакан кока-колы с растолченными анксиолитиками. Ну вот, теперь накинь на шею скользящую петлю, и когда уснешь, то, по логике вещей, больше не проснешься.

XIV

Временное воскрешение из мертвых

Ничего подобного: просыпаешься как миленький. Открываешь один глаз, потом другой, голова вдвойне раскалывается – с похмелья, да еще и из-за огромной, в фазе ускоренного роста, шишки на лбу. Уже давно за полдень, и вид – глупее некуда: лежишь на полу с гирляндой из галстуков вокруг шеи, рядом опрокинутый стул, а сверху смотрит приходящая прислуга.

– Доброе утро, Кармелита... Я... Я долго спал?

– Пожалуста, мишье, ви ни могли бы подвинусси, я тут пропилишошу, мишье, пожалуста?

Потом обнаруживаешь записку на телевизоре: «ЕСЛИ МУЖЧИНА ПОСЛЕ 30 ЛЕТ ЕЩЕ ЖИВ, ТО ОН МУДАК», – и поражаешься своей прозорливости. Ах, бедненький. Хочет нравиться всем красивым девушкам и убивается из-за какого-то развода. Раньше надо было думать. Теперь боль – моя единственная спутница. Что за пустая трата времени – пытаться свести счеты с жизнью, когда ты и так уже мертв.

Самоубийцы – действительно несносные люди. Моя жена вернула мне свободу, а я, видите ли, на нее в претензии. Я в претензии за то, что она оставила меня наедине с самим собой. За то, что позволила мне начать все заново. За то, что заставила меня отвечать за свои поступки. За то, что из-за нее я пишу этот абзац. Я страдал оттого, что связан, а теперь страдаю оттого, что свободен. Вот она, значит, какая, взрослая жизнь: строить замки из песка, потом прыгать на них двумя ногами и строить снова, опять и опять, прекрасно зная, что океан их все равно слизнет.

Веки у меня тяжелые, как надвигающаяся ночь. За этот год я очень постарел. Как человек узнает, что он стар? Он стар, если три дня приходит в себя после такой пьянки. Стар, если даже покончить с собой толком не может. Стар, если портит компанию кислой рожей, затесавшись среди молодняка. Их жизнерадостность действует на нервы, их иллюзии утомляют. Человек стар, если сказал вчера девчонке, родившейся в 1976 году: «Семьдесят шестой? Помню, в том году была засуха».

Я сгрыз все ногти, больше делать нечего, пойти, что ли, поужинать?

XV

Стена плача (Продолжение)

Пусть я знаю, что любовь – сказки, все равно наверняка буду через несколько лет гордиться тем, что верил в нее. Этого никто никогда не отнимет у нас с Анной: мы верили в любовь, от всего сердца верили. Мы мчались очертя голову на мулети из железобетона. Не смейтесь. Никто ведь не смеется над Дон-Кихотом, хоть он и сражался с ветряными мельницами.

Долго единственной целью моей жизни было саморазрушение. А потом мне вдруг захотелось счастья. Это ужасно, я сгораю со стыда, простите меня: однажды я поддался вульгарнейшему искушению побыть счастливым. Мне еще предстояло узнать одну вещь: это как раз и был лучший способ саморазрушения.

Сам не знаю, зачем я согласился поужинать у Жан-Жоржа. Есть по-прежнему не хочется. На сей счет я к себе строг: никогда не ем, пока не проголодаюсь. Вот он, высший шик: есть, только когда ты голоден, пить, только когда тебе хочется, и трахаться, только когда у тебя стоит. Ну да ладно, не ждать же голодной смерти, чтобы повидаться с друзьями. Жан-Жорж наверняка опять пригласил всю ораву малахольных рыцарей, моих лучших друзей. Никто не будет говорить о своих проблемах, щадя остальных, им своих хватает. Сменим тему, чтобы заглушить отчаяние.

Я ошибался. Жан-Жорж дома один. Он хочет меня выслушать. Хватает за шиворот и трясет, будто я счетчик на платной стоянке, который не выдал ему талон, проглотив десять франков.

– Вчера я спросил тебя, чего ты ходишь как в воду опущенный, а ты мне заявил, что любовь, видите ли, длится три года. Нет, ты кому, черт побери, мозги полощешь? Думаешь, ты в одной из своих книжек? Я-то ведь вижу, что твой развод здесь ни при чем! Так что хватит дурить, валяй выкладывай! Иначе на что, по-твоему, я нужен?

Я опускаю глаза, чтобы скрыть их подозрительный блеск. Шмыгаю носом – вроде бы я простужен. Лепечу:

– Э-э... Нет, правда, я не понимаю, что ты имеешь в виду...

– Перестань. Кто? Я ее знаю?

И тогда я еле слышно, скрепя сердце и сжав коленки, выдаю чистосердечное признание:

– Ее зовут Алиса.

XVI

Хочешь быть моим гаремом?

Вот так вот: Марк и Алиса сочетались браком три года назад. Беда в том, что сочетались они не друг с другом.

Марк женился на Анне, а Алиса вышла замуж за Антуана. Такова жизнь: она всегда все осложняет – или это мы сами ищем сложностей на свою голову?

Это фотографию Алисы Анна нашла в Рио. Великолепный полароидный снимок Алисы в бикини на итальянском пляже недалеко от Рима. Фреджене, если быть точным.

У нас с Алисой была «внебрачная связь». Так называют самые прекрасные, самые романтические страсти в наше время. Люди каждый день умирают от любви – и все из-за «внебрачных связей». Вы часто встречаете этих женщин на улице. Они ничем не дают понять, что у них есть тайна, но, может, вам случится увидеть, как такая рыдает ни с того ни с сего над скверным сериалом или улыбается в метро изумительной улыбкой, тогда вы поймете, о чем я говорю. Часто силы в этой игре неравны: незамужняя женщина любит женатого мужчину, а он не хочет бросать жену, это ужасно, отвратно, банально. Но мыто оба были семейными людьми, когда познакомились. Равновесие почти идеальное. Вот только я не выдержал первым: я развожусь, а Алиса даже не собирается. Какой ей резон уходить от мужа ради шизика, который трубит на всех углах, что любовь живет три года? Мне бы сказать ей, что на самом деле я так не думаю, но это была бы ложь. А я сыт по горло враньем. Сыт по горло двойной жизнью. Полигамия вполне узаконена во Франции – достаточно уметь складно врать. Жить с несколькими женщинами можно запросто. Требуется только немного фантазии и побольше организаторских способностей. Да, я сам знаю полно мужчин, имеющих целый гарем – во Франции, в одна тысяча девятьсот девяносто пятом году. Каждый вечер такой паша выбирает, кому позвонить, и хуже всего, что избраница-то, бедная, прибегает со всех ног. Чтобы так жить, надо быть дипломатом и лицемером, что, в сущности, почти одно и то же. Но мне это осточертело. Я больше не могу. Хватит мне раздвоения личности в профессиональной жизни, чтобы раздваиваться еще и в личной. Размечтался: как было бы прекрасно в кои-то веки делать что-то одно.

Результат: сам опять один. Любовь – это упоительная катастрофа: знаешь, что несешься прямо на стену, и все же жмешь на газ; летишь

навстречу своей гибели с улыбкой на губах; с любопытством ждешь минуты, когда рванет. Любовь – единственное запрограммированное разочарование, единственное предсказуемое несчастье, которого хочется еще. Вот что я сказал Алисе, а потом валялся у нее в ногах, умоляя уйти ко мне. Но без толку.

XVII

Дилеммы

Однажды несчастье вошло в мою жизнь, а я, как полный идиот, до сих пор не могу его выжить.

Самая сильная любовь – неразделенная. Я предпочел бы никогда этого не знать, но такова истина: нет ничего хуже, чем любить кого-то, кто вас не любит, – и в то же время ничего прекраснее этого со мной в жизни не случилось. Любить кого-то, кто любит вас, – это нарциссизм. Любить кого-то, кто вас не любит, – вот это да, это любовь. Мне хотелось испытания, опыта, такой встречи с самим собой, которая бы меня изменила: к прискорбию моему, все сбылось сверх всяких ожиданий. Я полюбил девушку, которая не любит меня, и разлюбил ту, которая меня любит. Я использую женщин, чтобы возненавидеть себя.

"Фан Цзян спросил:

– Что такое любовь? Учитель ответил:

– Ценить усилие дороже награды за него – это называется любовью" (Конфуций).

Ну спасибо, восточная бестия, лично я и от награды не откажусь. Но какое там – я брошен. Как только Алиса узнала, что от меня ушла жена, она струхнула и дала задний ход. Ни звонков, ни сообщений на автоответчике 3672, ни гостиничных номеров на устройстве «Би-Боп»^[5]. Чем я лучше наскучившей любовницы, которая сидит и ждет, когда женатый хахаль вспомнит о ее киске? Я, любитель широких авеню, вдруг оказался «back street». Один вопрос не дает мне покоя – к нему сводится вся моя жизнь:

Что хуже – заниматься любовью, не любя, или любить, не занимаясь любовью?

Я чувствую себя как псина Милу^[6] с его нравственными терзаниями, когда, с одной стороны, ангелочек призывает его творить добро, а с другой – мини-демон побуждает делать зло. Так и у меня: мой ангелуша хочет, чтобы я вернулся к жене, а бесенок нашептывает: «спи с Алисой». В моей голове идет перманентное ток-шоу с двумя участниками в прямом эфире. Уж лучше бы этот бес велел мне трахнуть жену.

XVIII

Верхи и низы

Жизнь-типичный телесериал: череда сцен, разворачивающихся в одних и тех же декорациях, с участием практически одних и тех же персонажей, и следующей серии всегда ждешь с нетерпением и некоторым отупением. Так вот, выход на сцену Алисы удивил меня, как если бы одна из троицы «Смешных дам» появилась в кадре «Элен и ребята».

Не стану долго описывать Алису, скажу просто: страус. Как и эта птица-бегун, она долговязая, плохо приручается и прячется, едва почуяв опасность. Ее бесконечно длинные тонкие ноги (в количестве двух штук) служат опорой соблазнительному бюсту, оснащенного аппетитными яблочками (в таком же количестве). Черные волосы, прямые и длинные, обрамляют очень яркое, хоть и нежное лицо. Тело Алисы, кажется, было задумано природой специально с целью выведения из равновесия окольцованных мужчин, которые ни сном, ни духом – или, наоборот, спали и видели. В этом ее отличие от страуса (наряду с тем фактом, что Алиса не несет килограммовых яиц – мне потом представился случай это проверить).

Я хорошо помню нашу первую встречу – на похоронах моей бабушки, куда я приехал без жены: она терпеть не могла семейных повинностей, и ее можно понять. Родня – это тяжело, даже когда она ваша, что уж говорить о чужой... Я, впрочем, сам ее отговаривал, уверяя, что бабуля оттуда, где она сейчас, вряд ли заметит ее отсутствие. Не знаю, может, чувствовал, что со мной что-то произойдет.

Все в церкви не сводили глаз с дедушки: заплачет или не заплачет? «БОЖЕ, ПОМОГИ ЕМУ УДЕРЖАТЬСЯ», – молился я. Но у кюре был козырь в рукаве: он заговорил о пятидесяти годах, прожитых дедулей и бабулей в браке. Глаза моего деда – полковника в отставке, между прочим, – покраснели. Он уронил слезу – и это было как сигнал к старту: родня открыла шлюзы, все рыдали и причитали, глядя на гроб. В голове не укладывалось, что в нем бабуля. Надо было ей умереть, чтобы я понял, до чего она мне дорога. Ладно, проехали – Если я не бросаю тех, кого люблю, так они сами уходят на тот свет. И я заплакал в три ручья, потому что я вообще юноша впечатлительный.

А когда я вытер глаза, то заметил красивую брюнетку, которая внимательно смотрела на меня. Алиса видела, как я разводил сырость. Сам

не знаю, то ли от переживаний, то ли по контрасту с местом действия, но я почувствовал неодолимую тягу к этому таинственному видению в черном облегающем свитерке. Позже Алиса призналась мне, что я показался ей очень красивым: отнесем эту неадекватную оценку на счет материнского инстинкта. Не в этом дело, главное – тяга была взаимной: ей хотелось утешить меня, я сразу это увидел. Эта наша встреча открыла мне одну вещь: оказывается, лучшее, что можно сделать на похоронах, – влюбиться.

Это была подруга какой-то кузины. Она познакомила меня со своим мужем Антуаном – симпатичным малым, пожалуй, даже слишком. Когда Алиса целовала меня в мокрые щеки, она поняла, что я понял, что она видела, что я видел, что она смотрела на меня так, как она смотрела. Никогда не забуду первое, что я ей сказал:

– Мне нравится костное строение твоего лица.

У меня было время разглядеть ее как следует. Молодая женщина двадцати семи лет от роду, просто красивая. Взмах ресниц. Смех надутыми губками, от которого сердце так и прыгает в грудной клетке, ставшей вдруг слишком тесной. Ускользающий взгляд, рассыпанные волосы, крутой изгиб внизу спины, ослепительные зубки – чудо. Маугли Кардинале в «Книге Леопарда»^[7]. Бетти Пейдж, вытянутая на метр семьдесят семь. Сумасбродка успокаивающего действия. Безмятежная стерва, тихоня-бесстыдница. Подруга, врагиня.

Как же я не встречал ее раньше? Какого черта я был знаком со столькими людьми, если эта девушка не входила в их число?

На церковной паперти была холодина. Сами понимаете, о чем я, – да, ее соски твердели под черным облегающим свитерком. У нее были грудки, возведенные в систему. По-детски чистое лицо будто не имело ничего общего с чувственным телом. Как раз в моем вкусе, больше всего на свете люблю контрасты: ангельское личико на теле блудницы. У меня дихотомические критерии.

В ту самую минуту я понял, что все на свете отдам, лишь бы быть допущенным в ее жизнь, в ее мысли, в ее постель, да что там – во все. До ипостаси страуса эта девушка была громоотводом: если любовь с первого взгляда – удар молнии, то она ее притягивала.

– Ты уже бывала в Стране Басков? – спросил я ее.

– Нет, но здесь, кажется, очень мило.

– Здесь не мило, здесь прекрасно. Как жаль, что я женат и ты замужем, а то могли бы свить семейное гнездышко на какой-нибудь здешней ферме.

– С овечками?

– Ну конечно, как же без овечек. А еще будут уточки для паштета,

коровки для молока, курочки для яичек, петушок для курочек, старый подслеповатый слон, дюжина жирафов и много-много страусов, вот таких, как ты.

– Я не страус, я громоотвод.

– Ого! Если ты вдобавок читаешь мои мысли, что же это будет?

Когда она уехала, я долго бродил очарованный, забыв обо всем, в Гетари, деревне поэта Жан-Поля Туле и райском уголке моего детства. Я отправился гулять, бодрый и окрыленный, хотя обычно ненавижу прогулки (но никого это не насторожило: люди всегда ведут себя несуразно после похорон), шлялся по берегу моря, здороваясь с каждым утесом, с каждой волной, с каждой песчинкой. Моя душа была полна до краев. Все это небо принадлежало мне. Баскское побережье принесло мне больше счастья, чем бухта Рио. Я улыбался задремавшим в небе облакам и бабуле, которая на меня совсем не сердилась.

XIX

Бежать от счастья, боясь, как бы оно не снилось

Надо выбирать: или ты с кем-то живешь, или этого кого-то желаешь. Нельзя ведь желать то, что имеешь, это противоестественно. Вот почему удачные браки разбиваются вдребезги, стоит появиться на горизонте первой встречной незнакомке. Женитесь хоть на самой красивой девушке на свете – всегда найдется новая незнакомка, которая, войдя в вашу жизнь без стука, точно опойт вас сильнейшим приворотным зельем. А тут все усложнялось тем, что Алиса была не просто первой встречной незнакомкой. Не просто, а в черном облегающем свитерке. Черный облегающий свитерок может изменить сразу две жизни.

Все мои беды от ребяческой неспособности уgomониться в тяге к новизне, от болезненной потребности вечно прельщаться тысячей невероятных возможностей, уготованных будущим. С ума сойти, насколько то, чего я еще не знаю, будоражит меня сильнее, чем уже знакомое. Но разве я не такой же, как все? Разве вы не предпочтете прочесть новую, еще не читанную книгу, посмотреть в театре пьесу, которую не успели выучить наизусть, выбрать в президенты кого угодно, лишь бы не того, кто был раньше?

Мои лучшие воспоминания об Анне относятся к поре, когда мы еще не были женаты. Брак – преступление, потому что он убивает тайну. Вы встречаете сказочное создание, женитесь на нем, и вдруг оказывается, что сказочное создание куда-то делось – теперь это ваша жена. ВАША жена! Какое надругательство, какая деградация для нее! А ведь искать-то, искать всю жизнь без устали, надо женщину, которая никогда не будет вашей!

(В этом смысле с Алисой я за что боролся, на то и напоролся.)

Ключевая проблема любви, мне кажется, вот в чем: чтобы быть счастливым, человеку нужна уверенность в завтрашнем дне, а чтобы быть влюбленным, нужна как раз неуверенность. Счастье зиждется на спокойствии, тогда как любви необходимы сомнения и тревоги. В общем, брак был задуман для счастья, но не для любви. А влюбиться – не самый лучший способ стать счастливым; если бы так, это бы давно было всем известно. Не знаю, ясно ли я выражаюсь, но мне самому понятно: брак валит в одну кучу такие вещи, которые лучше не смешивать, вот что я хочу сказать.

Вернувшись в Париж, я смотрел на все другими глазами. Анна

рухнула с пьедестала. Мы занимались любовью с прохладцей. Моя жизнь трещала по швам. Все осточертело.

Не бывает счастливой любви.

Не бывает счастливой любви.

НЕ БЫВАЕТ СЧАСТЛИВОЙ ЛЮБВИ.

Сколько раз надо повторять, чтобы ты зарубил это себе на носу, мудило?

XX

Все летит в тартарары

Когда красивая девушка смотрит на вас так, как смотрела на меня Алиса, это может означать одно из двух: или она стерва и тебе не поздоровится, или она не стерва и тебе тем более не поздоровится.

Я был устрицей, дремал себе в уютной герметично закрытой раковине, и вдруг на тебе – Алиса отодрала меня от камня, раскрыла створки и полила лимонным соком!

– Господи, – повторял я, – сделай так, чтобы она любила своего мужа, потому что иначе мне каюк!

Алисе я не подавал признаков жизни. Надеялся, что это покалывание в сердце со временем пройдет само. Я был прав: время притупило мои чувства, но не те, что я имел в виду. Пострадала-то, на мое несчастье, Анна.

Много печали на этом свете, но трудно представить печаль горше той, что наваливается на женщину, когда она чувствует, как уходит любовь – о нет, не в одночасье, потихоньку, но неудержимо, утекает как песок в песочных часах. Женщине необходимо восхищение мужчины, чтобы расцвести, по крайней мере, так я это себе представляю. Необходимо, как солнце цветку. Анна увядала под моим невидящим взглядом. А что я мог поделать? Брак, время, Алиса, свет, вращение планет, черные облегающие свитерки, объединенная Европа – все словно сговорились против нашей ни в чем не повинной четы.

Я бросал жену, а прощался с самим собой. Бросить Анну – это полбеда, куда тяжелее поставить крест на нашей истории, которая была прекрасна. То же самое, наверно, чувствует человек, отказавшийся от замысла, с которым долго носился: разочарование и облегчение одновременно.

XXI

Вопросительные знаки

Когда я встречаю на улице кого-нибудь из друзей, разговор все чаще получается такой:

– А, это ты? Привет, как дела?

– Хреново, а у тебя?

– Тоже.

– Ну ладно, до скорого.

– Пока.

Или другой приятель рассказывает анекдот:

– Знаешь, в чем разница между любовью и герпесом?

– Ну же... Подумай... Не догадываешься?

– Ну как же: герпес-то на всю жизнь.

Я не смеюсь. Я не понимаю, что тут смешного. Наверно, я потерял чувство юмора где-то в пути.

Досадно бывает обнаружить, что задаешься теми же вопросами, что и весь мир. Этаким уроком смирения.

Имею ли я право бросить человека, который меня любит?

Сволоочь ли я?

Зачем нужна смерть?

Наделаю ли я в жизни тех же глупостей, что и мои родители?

Можно ли быть счастливым?

Нельзя ли хоть раз влюбиться так, чтобы это не закончилось в крови, в сперме и в слезах?

Как бы мне получать ПОБОЛЬШЕ денег, работая ПОМЕНЬШЕ?

Какую марку солнечных очков носят на Форментере?

После нескольких недель терзаний и угрызений совести я пришел к следующему выводу: если жена становится вам подругой, пора предложить подруге стать вашей женой.

XXII

Долгожданная встреча

Второй раз я увидел Алису на чьем-то дне рождения; не стану его описывать, чтобы не отнимать у вас время. Буду краток: одна Аннина подруга постарела на год и сочла нужным отметить это событие. Я узнал гибкую фигуру Алисы (и ее нежную и одновременно упругую кожу) именно в тот момент, когда наливал Анне шампанское. Я перелил через край, по скатерти растеклась лужа. Алиса в это время чокалась со своим благоверным. Мое лицо стало гранатовым. Я залпом опрокинул рюмку виски. Пришлось смотреть под ноги, чтобы не запутаться в них. Это позволило мне скрыть краску за волосами. Не оглянувшись на жену, я кинулся в сортир, срочно проверить, в порядке ли прическа и чисто ли выбрит подбородок, снять очки, стряхнуть перхоть с плеч и вырвать волосок, торчавший из левой ноздри. Как быть? Игнорировать Алису? Чтобы кадрить красивых девушек, не к чему с ними разговаривать. Надо делать вид, будто они не существуют. Но вдруг она уйдет? Не видеть больше Алису – теперь это стало для меня пыткой. Ладно, придется разговаривать с ней на другом языке. Я вернулся в гостиную и прошел мимо Алисы, притворяясь, будто не замечаю ее.

– Марк! Что это ты не здороваешься?

– О! Алиса! Надо же! Извини, я тебя не узнал! Я... очень... рад... тебя... видеть...

– Я тоже! Как поживаешь?

Она была вся такая светская, равнодушная и кошмарная, глядела рассеянно.

– Ты помнишь Антуана, моего мужа? Замороженное рукопожатие.

– Ты не познакомишь нас со своей женой?

– Да... Она ушла на кухню, вставить свечи в торт...

Когда я закончил фразу, секунда в секунду, свет погас, все запели «С днем рождения!», и житейское море невзгод унесло от меня Алису.

Я видел, как она взяла за руку Антуана и они начали удаляться, будто по движущейся дорожке, а именинница тем временем смеялась своим преклонным годам под аплодисменты подружек из той же возрастной категории.

Вы, мои читатели, наверняка не раз видели по телевизору имплозию зданий: да вы знаете, это когда подрывают многоэтажки динамитом.

Несколько секунд обратного отсчета, здание на ваших глазах покачивается и обваливается – слоями, как торт, в тучах пыли и щебня. В точности это я и почувствовал.

Алиса с Антуаном шли к выходу. Надо было что-то делать. Я так отчетливо вижу всю эту сцену в замедленном темпе, будто это было вчера. Я вышел за ними в прихожую. Там, пока Антуан рылся в навешанных друг на друга пальто, Алиса подняла на меня свои черные глаза, они были огромные. Я прошептал:

– Не может быть, Алиса, это не ты... Разве ничего не произошло месяц назад в Гетари? А что же мне теперь делать с моей страусиной фермой?

Ее лицо смягчилось. Она опустила глаза и шепотом, тихо-тихо – так тихо, что я даже подумал, а не померещилось ли мне, – обронила всего только два слова, незаметно коснувшись моей руки, после чего скрылась за дверью со своим мужем:

– Мне страшно...

Судьба моя была решена. Я не слышал, как Анна спрашивала меня: «А кто эта девушка?» – здание вновь восстанавливалось в ускоренном темпе. Кто-то перемотал назад пленку с записью взрыва. Вострубили фанфары в честь торжественного открытия. Это был праздник почище 14 июля, с овациями-иллюминациями! Выступление мэра Парли-2!^[8] Прямой репортаж по каналу «Франс-3» на Иль-де-Франс! Массовое самоубийство толпы на радостях! Пах! Пах! Народ гуляет насмерть! В лучший мир вместе! Гвиана ликует! Ралли Храма Солнца! Все лопаются, как воздушные шары, от счастья! Ополоумели, мать вашу!

Самые лучшие праздники – те, что происходят внутри нас.

XXIII

Уйти

Меня поражает это электрическое поле высокого напряжения – осязаемое, мерцающее, – возникающее вдруг между мужчиной и женщиной, которые даже не знакомы, без видимых причин, просто так, всего-навсего потому, что они друг другу понравились и изо всех сил стараются себя не выдать.

Не нужно никаких слов. Все дело в выражении лиц, в позах. Это как загадка, и не простая, а главная в вашей жизни. Люди вульгарные называют это эротизмом, хотя на самом деле надо говорить скорее о порнографии – то есть о подлинности. Пусть рушится мир – ваши глаза видят только эти другие глаза. В самой сокровенной глубине вашего существа в этот миг наконец вылупливается знание.

Вы знаете, что можете сейчас же уйти с этим человеком, даже не обменявшись с ним и тремя фразами. «Уйти» – самое прекрасное слово во французском языке. Вы знаете, что готовы его произнести. «Давай уйдем». «Надо уйти». «Однажды мы сядем в уходящие поезда» (Блонден). Вы уже на чемоданах и знаете, что прошлое не более чем грудa хлама за спиной, которую надо поскорей забыть, потому что как раз сейчас вы рождаетесь на свет. Вы знаете, что происходит что-то очень серьезное, и не делаете ничего, чтобы это пресечь. Вы знаете, что другого выхода нет. Вы знаете, что кто-то будет страдать, что не надо бы, что лучше не спешить, выждать, подумать, но это «Уйти!», «Уйти!» все равно сильнее. Начать с нуля. Чистый лист так много обещает. Вроде как до сих пор вы сидели под водой, задержав дыхание, этакое юношеское апноэ. А вот и будущее – обнаженное плечико незнакомки. Жизнь дает вам второй шанс, История предлагает новую переменную.

Кто-то скажет, что это влечение поверхностно, – неправда, нет ничего глубже; вы готовы на все; вы миритесь с недостатками, прощаете несовершенства, даже ищете их, не уставая восхищаться.

Ведь по-настоящему привлекают только слабости.

Алиса взволнована, ей страшно со мной! Страшно! А ведь сильнее из нас двоих перепугалась, уж конечно, не она. И все же никогда в жизни я так не радовался, что нагнал на кого-то страху.

Я еще не знал, что скоро об этом пожалею.

XXIV

Прелесть начал

В одно из наших тайных свиданий, после того, как мы любили друг друга три раза без передышки, крича от наслаждения, в отеле «Генрих ГУ» (площадь Дофина), я повел Алису в кафе «Бобур». Сам не знаю почему, вообще-то я терпеть не могу это место, унылое, как все кафе в стиле «дизайн». Эти кафе в стиле «дизайн» изобрели парижане, чтобы пристроить провинциалов, а самим спокойно обедать во «Флоре». Выйдя на площадь перед заводом Жорж Помпиду^[9], мы остановились под «Генитроном» и посмотрели на часы, которые отсчитывают секунды, отделяющие нас от 2000 года.

– Смотри, Алиса, эти часы символизируют нашу любовь.

– Что ты несешь?

– Обратный отсчет уже начался... В один прекрасный день ты заскучаешь, я сорвусь, ты будешь пилить меня, что я не закрыл очко в сортире, а я – сидеть у телевизора весь вечер до окончания программ, и ты изменишь мне, как изменяешь сейчас Антуану.

– Ну вот, опять ты за свое... Почему ты не можешь жить настоящим, не переживая за наше будущее?

– Потому что у нас нет будущего. Посмотри, как бегут секунда за секундой, они приближают нас к несчастью... У нас только три года на любовь... Сегодня-то все чудесно, но, по моим подсчетам, это кончится у нас с тобой ... пятнадцатого марта тысяча девятьсот девяносто седьмого.

– А если я брошу тебя прямо сейчас, чтобы не терять времени?

– Нет, нет, подожди, я ничего не говорил... В тот момент до меня дошло, что лучше мне заткнуться с моими мудацкими теориями.

– А... – сменил я тему, – может, лучше, ты бросишь Антуана? Тогда мы могли бы поселиться в Домике в Прерии и смотреть, как будут подрастать наши дети в Зачарованном Саду^[10]...

– Ну вот, ты еще и издеваешься надо мной! Ты такой милый, но почему, когда нам хорошо, тебе обязательно нужно все испортить своей хандрой?

– Любимая моя, если ты когда-нибудь мне изменишь, обещаю тебе две вещи: во-первых, я покончу с собой, а во-вторых, закачу тебе такой скандал, что своих не узнаешь.

Так вот мы и гуляли, тайные любовники, ходили чинно рядом, глаза в глаза, но не рука в руке, нет, на случай, если встретим кого-нибудь из друзей наших законных благоверных.

С ней я узнал, что такое неспешная нежность. Я обучался естественности, брал уроки жизни. Думаю, этим Алиса меня и покорила. В первом браке ищешь совершенства, во втором хочется правды.

Самая прекрасная женщина – здоровая женщина. Я люблю, чтобы от подруги веяло здоровьем, право, Сантэ – тюрьма удовольствия!^[11] Пусть ей хочется бегать, хохотать, нажираться до отвала! Зубы – такие же белые, как белки глаз, рот свежий, как большая постель, губы-вишни, каждый поцелуй которых – райское наслаждение, кожа тугая, как тамтам, груди круглые, как игральные шары, ключицы хрупкие, как цыплячьи крылышки, ноги золотистые, как Тоскана, попка выпуклая, как детская щечка, и главное, главное – НИКАКОЙ КОСМЕТИКИ. От женщины должно пахнуть молоком и потом, а не духами и сигаретами.

Самый надежный тест – бассейн. У бассейна ясно, кто есть кто: интеллектуалка уткнется в книгу в купальной шапочке, спортсменка устроит матч по водному поло, склонные к нарциссизму позаботятся о загаре, подверженные ипохондрии намажут защитным кремом... Если женщина у бассейна боится намочить волосы, чтобы не испортить прическу, – бегите прочь. Если она с хохотом прыгает в воду – прыгайте следом.

Поверьте мне: я все испробовал, лишь бы не влюбиться. Поставьте себя на мое место: обжегшись на молоке, будешь бояться ошпариться. Но я не мог перестать думать об Алисе. Временами я ее ненавидел, нет, правда, на дух не переносил, находил нескладной, несуразно одетой, малодушной, вульгарной, тоже мне, мещанка с романтическими претензиями, цепляется за свою унылую и устроенную жизнь, трусиха, мелкая душонка, эгоистка, противная Оливия (женщина Полая^[12]), дура набитая с визгливым голосом и вкусами fashion victim^[13]. А в следующую минуту я смотрел на ее фотографию или слышал ее милый нежный голосок в телефонной трубке, или она появлялась, улыбаясь мне, и я млел от восторга, ослепленный этой чистой красотой – бездонные глаза, нежнейшая кожа, длинные волосы, парящие в невесомости, она была дикарка, неистовая смуглянка, жгучая индианка, Эсмеральда (женщина Квазимодо), и, боже мой, как я благословлял тогда небеса за то, что мне посчастливилось встретить такое чудо.

Вот вам простейший тест на влюбленность: если, проведя четыре-пять

часов без вашей любовницы, вы начинаете по ней скучать, значит, вы не влюблены – иначе десяти минут разлуки хватило бы, чтобы ваша жизнь стала абсолютно невыносимой.

XXV

Спасибо, Вольфганг

Изменять жене – само по себе не такое уж большое зло, если она об этом никогда не узнает. Я даже думаю, многие мужья сознательно ходят по грани, чтобы вновь почувствовать азарт, как в ту пору, когда они обольщали своих избранниц. В этом смысле адюльтер вполне может быть признанием в супружеской любви. Но может и не быть. Во всяком случае, боюсь, что мне нелегко будет впарить это Анне.

Мне вспоминается наш последний ужин наедине. Я предпочел бы вообще о нем не вспоминать, но вот вспоминается, и все тут. Говорят, плохие времена становятся хорошими воспоминаниями, – хотелось бы мне, чтобы это было так. Лично у меня они так и сидят в памяти под рубрикой «плохие времена», и хоть мало-мальски затосковать по ним не получается. Я бы с удовольствием превратился в видеомаягнитофон, чтобы в скоростном режиме стереть эти кадры, которые не дают мне покоя.

Анна осыпала меня упреками, потом сама себя корила за эти упреки, и от этого было еще хуже. Я объяснил ей, что во всем моя вина. Я пытался быть не тем, кто я есть, иначе почему бы я так коротко стриг волосы все три года нашей совместной жизни? До этого они были длинные, и вот теперь я их опять отрастил. Я – как Самсон: со стриженными волосами гроша ломаного не стоил! К тому же я ведь до сих пор не решился попросить ее руки, как полагается, у ее отца. Стало быть, наш брак недействителен. Она вежливо смеялась моему юмору. Мне было паршиво, а она грустно улыбалась, как будто с самого начала знала, что все закончится вот так, этим уютным рестораником и белой скатертью со свечами, и что мы будем беседовать здесь как старые друзья. Мы даже не прослезились за столом. Можно навсегда покинуть женщину, изменить всем клятвам – и сидеть напротив нее, не устраивая из этого трагедии.

Под конец она сообщила, что уже нашла мне замену, кого-то поизвестнее, постарше и душевнее меня. Это была правда (я узнал позже, естественно, последним), она подцепила его у себя на работе. Такого оборота дела я не ожидал. Я наорал на нее.

– Молоденькая куколка, которая спит со старыми хренами, – гадость, и старый хрен, который спит с молоденькими, – такая же гадость. Ловко устроились!

– Я предпочитаю красивого и порядочного старика молодому пошлому

невротику, – ответила она.

Не знаю, почему я воображал, будто Анна будет вечно лить слезы, как безутешная вдова. И не знаю, почему эта новость так меня разозлила. Вообще-то нет, знаю почему. Я просто вдруг обнаружил, что у меня есть самолюбие. Ишь ты, пуп земли! Мнишь себя незаменимым, а тебя заменяют в два счета. Что я себе вообразил? Что она покончит с собой? Или зачахнет от горя? Пока я, желторотый пижон, уверенный в своей неотразимости, – конечно, какая женщина устоит перед таким шикарным плейбоем? – мечтал об Алисе, Анна, оказывается, тоже думала о другом и преспокойно наставляла мне рога, да еще постаралась, чтобы каждая собака об этом знала. Больно меня в тот вечер приложили. И поделом. Вернувшись домой, я услышал по радио Моцарта.

Всякая Красота вырождается в Уродство, удел Юности – Увядать, наша Жизнь – медленное Загнивание, мы Умираем каждый День. К счастью, у нас всегда остается Моцарт. Скольким людям Моцарт спас жизнь?

XXVI

Очень сексуальная глава

Никуда не денешься, пора поговорить о главном, то есть о сексе. Крали моего круга в большинстве своем убеждены, что заниматься любовью – это лечь на спинку с болваном в смокинге, который поелозит сверху, в стельку пьяный, эякулирует в их недра, после чего отвалится и захрапит. Их половое воспитание осуществлялось в рамках снобских вечеринок, крутых частных клубов и дискотек Сен-Тропе, в обществе самом что ни на есть для этого неподходящем – папенькиных сынков. Сексуальная проблема папенькиных сынков состоит в том, что они с пеленок привыкли все получать, ничегошеньки не давая. Дело даже не в эгоизме (ВСЕ мужчины эгоисты в постели), просто некому было им объяснить, что есть какая-никакая разница между девушкой и «порше». (Когда помнешь девушку, папа не ругается.)

Это крайности, и Анна, слава богу, была не из их числа, но и особой склонности к этому делу не имела. Наше самое большое сексуальное буйство имело место в свадебном путешествии, в Гоа, когда мы накурились дурмана. Экзотично, эстетично, эротично, сперматично. Нам понадобился этот дым, чтобы раскрепоститься под муссонным ливнем. Но, чего там, этот апогей оказался обкуренным исключением: вообще-то я был так влюблен в этом путешествии, что даже давал обыграть себя в пинг-понг – кто меня знает, поймет, что я был далек от нормального состояния. Да, Анна, узнай сейчас, из этой книги: в наш медовый месяц я нарочно проигрывал тебе в пинг-понг, о'кей?

Секс – большая лотерея: двое могут обожать это по отдельности и не словить кайфа вместе. Зря думают, что со временем все может измениться к лучшему – ничего не меняется. Это вопрос эпидермиса, иначе говоря, вопиющая несправедливость (как все, что имеет отношение к коже: расизм, морщины, угри...).

Вдобавок наша нежность только все усугубляла. В любви положение становится по-настоящему тревожным, когда пара переходит от порнофильма к детскому лепету. Когда вместо: «сейчас я кончу тебе в рот, прошмандовка», мы говорим: «ути-пути, лапочка, кисонька, малипуся моя, поцелуй меня скорей покрепче», – есть основания бить во все колокола. Заметно становится очень быстро: даже голоса ломаются за несколько месяцев совместной жизни. Мужественный мачо с зычным басом начинает

сюсюкать, как младенец на коленях у мамочки. Роковая женщина с хрипотцой в голосе превращается в сиропную девочку, путающую мужа с котенком. Нашу любовь сгубили интонации.

И потом, есть этот мощнейший охладитель отношений, самое сильное из когда-либо изобретенных снотворных под названием Супружеский Долг. День-два не трахались – ничего страшного, не стоит упоминания. Но проходит четыре-пять дней, и сознание невыполненного Долга становится темой для разговоров. Уже неделю не занимались любовью – и все начинают комплексовать, что за дела, удовольствие превращается в обязательку, в повинность, просачкуй еще неделю – и давление на психику станет невыносимым, кончится тем, что будешь дробить в ванной над порнокомиксами, чтобы у тебя встал, фиаско обеспечено, полная противоположность желанию – вот что такое Супружеский Долг.

У нашего поколения с половым воспитанием дела обстоят из рук вон плохо. Мы думаем, что знаем все, потому что объелись фильмов категории "X" и потому что наши родители будто бы совершили сексуальную революцию. Но всем известно, что никакой сексуальной революции не было. В сексе, как и в браке, ничто ни на йоту не сдвинулось за сто лет. Двухтысячный год на носу, а нравы все те же, что в XIX веке – и даже, пожалуй, более отсталые, чем в XVIII. Мужчины самовлюбленные, неуклюжие, не знают, как подойти к женщине, девушки застенчивые, неопытные, комплексуют, боясь прослыть нимфоманками. Доказательство тому, что наше поколение – полный ноль в сексе, успех теле- и радиопередач на постельную тему и ничтожный процент молодых людей, надевающих для этого дела презерватив. Чем не показатель того, что они не способны нормально об этом говорить? Ну так прикиньте, если молодежь вообще ни уха, ни рыла, то уж буржуазная молодежь тем более-Просто катастрофа.

Алиса же в этих тухлых кругах не вращалась. Она смотрит на секс не как на обязанность, а как на игру: у игры есть правила, их нужно знать, чтобы играть, но это не значит, что их нельзя менять. Для нее не существует никаких табу, она коллекционирует фантазмы, все хочет испробовать. С ней я наверстал тридцать лет отсталости. Она научила меня ласкам. Женщину надо легонько поглаживать подушечками пальцев, касаться ее кончиком языка; как я мог догадаться, если никто никогда мне этого не говорил? Я узнал, что заниматься любовью можно в самых разных местах (автостоянка, лифт, туалет ночного клуба, туалет поезда, туалет самолета, да почему только в туалетах – в траве, в воде, на солнце), с самыми разными аксессуарами (садо, мазо, фрукты-овощи) и в самых

разных позах (лежа, стоя, сидя, спереди, сзади, со всех сторон, вдвоем, втроем и так далее, привязанным, с привязанной, Севильским бичевателем, садовником Сада пыток, спермонапорной колонкой, бензонасосом, глотательницей змей, домино-демонико, так, сяк и наперекосяк). Для нее я стал более чем гетеро-, гомо– или бисексуалом-я стал всесексуалом. Зачем себя ограничивать?

Я готов трахаться со зверьем, с насекомыми, с цветами, с водорослями, с безделушками, с мебелью, со звездами – валяйте все, кто хочет. Я даже обнаружил в себе поразительную способность сочинять истории одна другой невероятней, чтобы нашептывать их ей на ушко во время акта. Когда-нибудь я опубликую сборник, который шокирует тех, кто плохо меня знает. Нет, правда, я стал самым настоящим маньяком и полиморфным извращенцем, короче – повесой. Почему, собственно, только старикам позволено пускать слюни?

В общем, так: если постельная история может стать историей любви, то обратный случай – большая редкость.

XXVII

Переписка (I)

Первое письмо к Алисе:

"Дорогая Алиса!

Ты чудо. Почему, собственно, на том основании, что тебя зовут Алиса, тебе нельзя сказать, что ты чудо?

У меня голова идет кругом. Следовало бы запретить таким женщинам, как ты, приезжать на похороны бабушек. Прости, я не хотел. Это ведь был мой единственный шанс провести с тобой тот уик-энд.

Марк".

Никакого ответа. Второе письмо к Алисе:

"Алиса!

Послушай, ты, часом, не женщина моей жизни, а?

С нами что-то происходит, правда?

Ты сказала, что тебе страшно. А мне, что мне тогда говорить? Ты думаешь, я придуриваюсь, а я в жизни не был так серьезен.

Я не знаю, что делать. Хочу тебя увидеть, но знаю, что не стоит. Вчера ночью я исполнил свой супружеский долг, думая о тебе. Это гадко. Ты нарушила мой покой, я не хочу нарушать твой. Это письмо будет последним, но забуду я тебя не скоро.

Марк".

Постскриптум: «Когда мы лжем, говоря женщине, что любим ее, можно подумать, будто мы лжем, но что-то же заставляет нас сказать ей это, а следовательно, это правда». (Раймон Радиге^[14])

Никакого ответа. Это письмо было не последним.

XXVIII

Дошел до ручки

Привет, это снова я, живой мертвец из фешенебельного квартала.

Лучше бы мне просто пребывать в меланхолии, в этом есть изыск; так нет же, я никак не выберу между депрессией и ипохондрией. Я зомби, воющий смертным боем оттого, что еще жив. Помочь от головной боли может только Аспежик-1000, но я не могу его принять, так крутит желудок. Добро бы я дошел до ручки, но какое там – меня несет все дальше и дальше, и нет никакой ручки, чтобы ухватиться.

Я пересекаю город из конца в конец. Прихожу посмотреть на дом, где ты живешь с Антуаном. Я-то думал, что подцепил тебя играючи, – и вот околачиваюсь под твоей дверью, позабыв дышать. Любовь – источник проблем с дыхалкой. В окнах вашей квартиры горит свет. Ты, возможно, ужинаешь, или смотришь телевизор, или слушаешь музыку, думая обо мне, или не думая обо мне, или, может, ты... вы... Нет, ради бога? ты ведь этого не делаешь, скажи? Я торчу на твоей улице, перед твоим домом, и у меня сердце кровью обливается, только наружу ничего не вытекает, это внутреннее кровотечение, так и подохну, свободный и ничей. Прохожие оглядываются на меня: что за тип такой каждый день приходит и пялится на фасад этого дома? Нет ли здесь какой-нибудь диковинной архитектурной детали, которую мы не заметили? Или этот небритый лохматый парень – клошар из новых? «Смотри, дорогой, в нашем квартале попадают бродяги в куртках от „Агнес б“, надо же!» – «Молчи, дура, ты что, не видишь, это же молодежный наркочилер!»

Май, такой поганый месяц май. С его бесконечными выходными: Праздник Труда, годовщина 8 мая 1945-го, Вознесение, Троица. Тянутся один за другим долгие уик-энды без Алисы. Меня ущемляют на пару государство и Католическая церковь, будто нарочно, в наказание мне за то, что я послушался обоих. Интенсивный курс страдания.

Ничто больше не интересует меня, кроме Алисы. Она вытеснила все. Ходить в кино, есть, писать, читать, спать, танцевать джерк, работать – все эти занятия, составлявшие прежде жизнь охламона с окладом сорок тысяч в месяц, потеряли теперь всякий вкус. Алиса обесцветила мир. Я вдруг снова стал шестнадцатилетним. Я даже купил ее духи, чтобы вдыхать их аромат, думая о ней, но то не был упоительный запах ее кожи в любви, смуглой, сонной, длинноногой, восхитительной стройности, томно

рассыпанных русалочьих волос. Все это во флакон не закупорить.

В XX веке любовь – это телефон, который не звонит. До вечера вслушиваешься в каждый шорох на лестнице, каждый раз глупо радуясь понапрасну, потому что ты отменила назначенное на полдень свидание, в последнюю минуту оставив сообщение в нашем тайном почтовом ящике Минителя. Еще одна история про адюльтер с плохим концом? Ну да, оригинальностью не блещет, уж извините; что же делать, если это все равно самое серьезное, что случилось со мной в жизни. Перед вами книга об избалованном недоросле, посвященная всем вертопрахам, слишком чистым душой, чтобы жить счастливо. Книга о тех, кому досталась отрицательная роль и никто их не жалеет. Книга о тех, кому не следовало бы страдать от разрыва, совершившегося по их инициативе, но они все же страдают – тем безнадежнее, что сами во всем виноваты и знают это. Потому что любовь – это не только альтернатива: страдаешь или заставляешь страдать. Вполне может быть то и другое вместе.

XXIX

Депрессивная диета

Одиночество стало какой-то стыдной болезнью. Почему все так его чураются? Да потому, что оно заставляет думать. В наши дни Декарт не написал бы: «Я мыслю – значит, я существую». Он бы сказал: «Я один – значит, я мыслю». Никто не хочет оставаться в одиночестве: оно высвобождает слишком много времени для размышлений. А чем больше думаешь, тем становишься умнее – а значит, и грустнее.

Я думаю, что ничего нет. Я ни во что больше не верю. Я сам себе не нужен. Жизнь у меня никчемная. Что там сегодня по ящику?

Единственная хорошая новость: от горя худеют. Никто не рекламирует эту диету, а ведь она самая эффективная из всех. Депрессия Для Похудения. Хотите сбросить вес?

Разведитесь, влюбитесь в кого-нибудь, кто вас не любит, живите один и грустите с утра до вечера. Лишние килограммы растают, как снег на солнце. Ваше тело снова станет стройным и сможет отлично вам послужить – конечно, если выживете.

Как жаль, что я влюблен, даже не могу попользоваться холостым положением. Студентом я обожал быть один. На мой взгляд, все женщины были красавицами. «Не бывает некрасивых женщин, бывает мало водки», – любил я повторять. Это не были шуточки начинающего алкоголика, я действительно так думал. «В каждой женщине что-то есть, порой хватает полуулыбки, рассеянного вздоха, подрагивающей ножки, выбившейся прядки волос. Даже в самой невзрачной дурнушке таится клад. И Мими Мати, может стать, такое вытворяет!» И я заливался звонким смехом, которым всегда сопровождал собственные шутки, – я умел так смеяться раньше, пока не узнал, что такое настоящее одиночество.

Теперь же, выпив разбавленных крепких напитков, я ворчу себе под нос, точно какой-нибудь клошар. Я иду драть в кабинку с видео, улица Сен-Дени^[15], 88. Переключаю каналы: 124 порнофильма. Парень сосет тридцатисантиметровый у негра. Переключаю. Привязанная девушка получает по полной программе: воск на язык и электрические разряды в выбритую киску. Переключаю. Крашеная силиконовая блондинка жадно заглатывает сперму. Переключаю. Парень в черном капюшоне прокалывает груди голландки, а та орет: «Yes, Master!» Переключаю. Юной неопытной любительнице засовывают вибратор в задний проход и во влагалище.

Переключаю. Тройное лобовое семяизвержение на двух лесбиянок с бельевыми прищепками на сосках и клиторах. Переключаю. Беременная туша. Переключаю. Двойной Fist-fucking. Переключаю. Пипи в рот связанной тайландки. Переключаю. Черт, нет больше десятифранковых монет, а я не кончил, я слишком пьян, никак не получается. Говорю сам с собой, размахивая руками. Покупаю бутылку шипучки. Хочу закорешиться с алкашами, которые ходят, шатаясь, по улице Сен-Дени и кричат, что самые красивые на свете женщины были когда-то у их ног. Но они не принимают меня в свою компанию и вроде как порываются набить мне морду: вот уж узнаю, каково страдать, когда на то есть настоящие причины. Я возвращаюсь домой ползком, весь в разлившейся шипучке, вонючий с маковки до пяток, это ж сколько лет я так не надирался, жутко хочется блевать и срать одновременно, сделать то и другое сразу не выйдет, надо выбирать. Я решаю сначала дать выход диарее, сажусь на унитаз, коричневая жижа обрызгивает фаянс, ну и вонища, все, не могу, сейчас вырвет, поворачиваюсь, чтобы выблевать раздирающую глотку кислую желчь, стою на четвереньках, обняв унитаз, с голым задом, разит дезинфицирующим средством, и тут опять меня прохватывает понос, и я выпускаю литр смердящего жидкого дерьма прямо на дверь, пуская сопли и призывая мамочку.

XXX

Переписка (II)

Третье письмо попало в цель. Спасибо Почте: ни телефон, ни факс, ни Интернет не могут сравниться со старой доброй опасностью эпистолярной связи.

"Дорогая Алиса!

Я буду ждать тебя каждый вечер в семь часов на скамейке на площади Дофина. Приходи не приходи, я все равно буду там каждый вечер, начиная с сегодняшнего.

Марк".

В понедельник я ждал под дождем напрасно. Во вторник я ждал под дождем напрасно. В среду дождь прошел, и ты пришла – как прекрасно. (Ну прямо песня Ива Дютея.)

– Ты пришла?

– Похоже на то.

– Почему ты не пришла в понедельник и во вторник?

– Был дождь...

– Я тебе сейчас, кажется... подарю зонтик.

Ты улыбнулась. Химерочка, притаившаяся за завесой из волос, сулящей неизведанные радости. Светлоликая японочка с розовыми губками, которые улыбались мне, не взвешивая «за» и «против». Я взял твою руку, как драгоценную вещь. Последовало подобающее случаю неловкое молчание, которое я решил нарушить:

– Алиса, боюсь, что это серьезно... Но ты перебила меня:

– Тс-с...

Потом ты наклонилась и поцеловала меня в губы. Не может быть, это не сон? Нечто настолько трогательное еще может произойти со мной?

Я снова попытался заговорить: –Алиса, ты еще можешь передумать-только быстро, потому что потом будет поздно, я люблю тебя очень крепко, ты меня не знаешь, я в таких случаях становлюсь несносным...

Но и на этот раз твой язычок не дал мне договорить, и все на свете скрипки и самые лучшие фильмы о любви позорно пускают петуха в сравнении с симфонией, зазвучавшей у меня в голове.

И считайте меня смешным – на здоровье, клал я на вас.

XXXI

Разведенный любовник

Теперь я на площадь Дофина ни ногой, если не пьян настолько, чтобы ее вынести, как, например, сегодня вечером, когда сижу на нашей скамейке, из чистого мазохизма. Новый Мост освещен огнями речных трамвайчиков. Мы были почти любовниками с Нового Моста^[16], плюс-минус каких-то несколько метров. Мне холодно, и я жду тебя. Полгода пролетело с нашего первого поцелуя здесь, а я все прихожу на свидание с тобой. Никогда не думал, что дойду до такого. Наверно, это наказание, что-то я натворил, иначе за что бы мне такие испытания? Я рыдаю, просыпаясь, хлюпаю, ложась спать, а в промежутках жалею себя. Воображал себя Лакло – а оказался махровым Мюссе. Любовь – непонятная штука. Когда видишь ее у других, ничего не понимаешь, и еще меньше – когда это случается с тобой. В двадцать лет я еще был хозяином своих эмоций, но сегодня от меня больше ничего не зависит. Тяжелее всего мне видеть, насколько любовь к Алисе вытеснила ту, что я испытывал к Анне. Эти две истории – как сообщающиеся сосуды. Ужас, я ведь даже не мучился сомнениями. Не было никакого водевиля, никакой дилеммы между «законной половиной» и любовницей, просто одна заняла место другой, незаметно, без шума, словно в мой мозг вошли на цыпочках. Неужели нельзя любить одного не в ущерб другому? Наверно, эту вину я сейчас и искупаю... Да, странное дело, я сижу на площади Дофина, но почему-то думаю о тебе, Анна, моя экс-жена...

Может быть, Анна, может быть, со временем, позже, много позже, мы встретимся где-нибудь, где будет светло; будут люди вокруг, деревья, солнечный луч, да мало ли что еще, птичьи трели, как в день нашей свадьбы, и среди шумной толпы мы узнаем друг друга и с грустью вспомним давно ушедшее время, когда нам было по двадцать лет, время наших первых надежд и больших разочарований, время, когда мы мечтали, когда могли обнять Небо, которое потом рухнуло нам на голову, потому что это время, Анна, это время только наше с тобой и никому никогда его у нас не отнять.

XXXII

Не знаю

Было много тайных свиданий на площади Дофина. Много засекреченных обедов «У Поля» или в «Дельфино». Бесчисленное множество украденных часов во второй половине дня в отеле «Генрих IV». Со временем портье стал нас узнавать и избавлял от понимающей улыбочки с многозначительным вопросом: «Без багажа, дамы-господа?» – потому что наш номер был забронирован на месяц. Номер 32. В нем пахло любовью, когда мы уходили.

Между оргазмами я не мог удержаться и допытывался:

– Господи, Алиса, я люблю тебя всю, от пяток до кончиков волос. Чем же это кончится?

– Не знаю.

– Может, все-таки уйдешь от Антуана?

– Не знаю.

– Ты хочешь, чтобы мы жили вместе?

– Не знаю.

– По-твоему, нам лучше остаться любовниками?

– Не знаю.

– Но что же с нами будет, черт побери?

– Не знаю.

– Почему ты все время повторяешь «не знаю»?

– Не знаю.

Я был слишком рационален. «Не знаю» – два этих слова мне предстояло впредь слышать часто, и я чувствовал, что лучше мне к ним привыкнуть.

Иногда я совершенно переставал владеть собой:

– Уходи от него! УХОДИ ОТ НЕГО!

– Прекрати! ПРЕКРАТИ МЕНЯ ОБ ЭТОМ ПРОСИТЬ!

– Разведись, как я, мать твою!

– Ни за что. Мне с тобой страшно, я тебе всегда говорила. Наша любовь прекрасна, потому что невозможна, и ты это отлично знаешь. Как только я буду свободна, ты перестанешь меня любить.

– ЧУШЬ! ЧУШЬ! АРХИЧУШЬ!

Но в глубине души я и сам боялся, что она права. Глухим с тугоухими легче было бы договориться, чем нам с ней.

XXXIII

Декристаллизация невозможна

Надо бы все-таки рассказать вам, как я умер. Помните фильм «Бунтовщик без идеала» с Джеймсом Дином? Там компания молодых идиотов нашла себе развлечение: мчаться в машинах на полной скорости напрямик к краю пропасти. Они называют это «chicken run» («гонка слабаков»). Игра состоит в том, чтобы нажать на тормоза как можно позже. Кто затормозит последним – тот и есть самый крутой в компании. Надо сказать, толщина загровка прямо пропорциональна отрезку времени, который он выдержит без тормозов. Ну, естественно, чего еще ожидать, один из кретинов финиширует под обрывом, в спрессованном «шевроле». Так вот мы с Алисой: чем дальше заходили в нашем приключении, тем больше походили на этих самых бунтовщиков без идеала и сами это понимали. Мы мчались к пропасти и даже не думали тормозить. Я еще не знал, что тот идиот, который нажмет на педаль слишком поздно, – я.

Когда живешь двойной жизнью, есть золотое правило: не влюбляйся. Можно встречаться тайком – для удовольствия, для разнообразия, для остроты ощущений. Чувствуешь себя героем, не особо напрягаясь. Но ни в коем случае никаких чувств! Нельзя валить все в одну кучу. А то кончите тем, что перепутаете удовольствие с любовью. И рискуете крепко увязнуть.

Мы с Алисой попались в эту западню по одной простой причине: заниматься любовью куда приятней, если вы влюблены. Женщинам тогда кажется, что пора ухаживания длится дольше, а мужчинам – что она проходит быстрее. Это нас и погубило. У нас были высокие запросы. Мы ломали романтическую комедию только для того, чтобы испытать оргазм посильнее. И в конце концов сами в это поверили. В любви нет ничего эффективнее методики Куэ – как жаль, что срабатывает она только в одну сторону. Уж если выкристаллизовалась – обратного хода нет. Думаешь, это игра, так оно и есть, вот только играешь-то с огнем. Ты уже падаешь в пропасть, как герои мультиков, знаете, те самые, что смотрят на зрителя, потом на пустоту под ногами, потом опять на зрителя – и... шмяк! "That's all, folks!"^[17]

Помню, когда мы с Анной расстались, на какую бы вечеринку я ни пришел, везде встречал людей, которые с лицемерным видом интересовались у меня, где Анна, что с Анной, почему нет Анны и как Анна поживает. Я отвечал кому как:

- Анна? Она сегодня вкалывает допоздна.
- Как? Ее нет? А я ее искал, у меня здесь назначено свидание с женой.
- Между нами говоря, она правильно сделала, что не пошла на этот дерьмовый вечер: зря я ее не послушался, она каким-то шестым чувством сечет, где плохо продумано, ах, прости, это ты хозяин...
- Анна? А мы подали на развод! Ха-ха! Шучу!
- Да, она вкалывает в последнее время как проклятая.
- Все в порядке: у меня увольнительная до полуночи.
- Уехала на рабочую конференцию с футбольной командой Конго.
- Анна? Какая Анна? Марронье? Надо же, какое совпадение, мы однофамильцы!
- Анна в больнице... Ужасная авария... Вопя от нестерпимой боли, она между двумя воплями умоляла меня остаться с ней, но я не мог пропустить этот чудесный вечер. Красная икра изумительна, вы не находите?
- Ничего, зато она вкалывает столько, что я скоро буду миллионером.
- Брак – институт, далекий от совершенства.
- А где Алиса? Вы знаете Алису? Алису не видели? Как вы думаете, Алиса придет?

Но зато всякий раз, когда я слышал произнесенное кем-то слово «Алиса», это было как острый нож.

– Дорогие друзья, можно вас попросить об одолжении? Не произносите, пожалуйста, в моем присутствии это имя.

Заранее благодарен,

Я.

Рай – это другие, но хорошенького понемножку. Люди все охотнее чесали языки на наш с Анной счет. Конечно, я только посмеивался, слыша сплетни о себе: они ходили задолго до того, как стали правдой. Для меня никогда не были тайной завистливость света и верхоглядство полуночников, но трогать Анну – тут я чуть не озверел. Почему я не сидел дома по вечерам? Чтобы жизнь не летела так быстро. Просто невыносимо, чтобы все кончалось в восемь вечера. Мне нравилось красть часы жизни у тех, кто ложится с петухами. Но теперь – все, это уж слишком. Ноги моей больше нигде не будет. Я вдруг понял, как мне ненавистны все эти стервятники, кормившиеся моим горем. Ну да, я тоже был таким. Но с меня хватит: мне больше не смешно. На этот раз я постараюсь не упустить свой шанс, насколько это возможно. Пусть обойдутся без меня. Я уволился из всех журналов, где вел светскую хронику.

Прощайте, неверные друзья из «парижских сливок», я не буду без вас

скучать. Продолжайте загнивать без меня, я на вас зла не держу, наоборот, мне жаль вас. Вот она, величайшая драма нашего общества: даже богатые не вызывают больше зависти. Они заплыли жиром, они уродливы и вульгарны, их жены – одна сплошная подтяжка, по ним плачет тюрьма, их дети колются, у них мужицкие вкусы, они позируют для «Гала». Богатые сегодня забыли, что деньги – средство, а не цель. Они просто не знают, что с ними делать. Если ты беден, по крайней мере, можешь уговаривать себя, мол, будь у тебя бабки, все пошло бы на лад. Но если ты богат, не скажешь же себе, что вот, будет у тебя новый дом на Юге, новая спортивная машина, шузы за двенадцать тысяч монет или еще одна манекенщица – и все пойдет на лад. Когда ты богат, оправдываться нечем. Вот почему все миллионеры сидят на прозаке^[18]: потому что никто больше не мечтает быть на их месте, даже они сами.

Писать о ночной жизни – это был порочный круг, из которого я не мог вырваться. Я надирался, чтобы рассказать, где и с кем я в последний раз надрался. С этим покончено, пора привыкать к дневному свету. Надо помозговать, какие газетные статейки может кропать безработный паразит? Представьте себе графа Дракулу средь бела дня – чем бы он занялся? В кого переквалифицируются кровососы?

Так я стал литературным критиком.

XXXIV

Теория вечного повторения

Когда я ставлю в известность о разрыве моих родителей (которые в разводе с 1972-го), они пытаются вправить мне мозги. «Ты уверен?», «Может, еще помириться?», «Подумай хорошенько...» Психоанализ имел большое влияние в шестидесятые годы; наверно, поэтому – не вижу другого объяснения – мои родители убеждены, что все случилось по их вине. Они переживают куда сильнее меня, так что об Алисе я даже не упоминаю. Одной катастрофы на сегодня достаточно. Я спокойно объясняю им, что любовь живет три года. Они протестуют, каждый на свой лад, но оба не слишком убедительно. Их любовь продлилась ненамного дольше. Я только диву даюсь, понимая, что в моей истории они узнают свою. С ума сойти: оказывается, мои родители всю жизнь надеялись, думали и в конце концов поверили, что я не такой, как они.

Мы живем на Земле, чтобы переживать те же события, что наши родители, в той же последовательности, – и точно так же они до нас совершали те же ошибки, что их родители, и так далее до бесконечности. Но это не самое страшное. Хуже другое – когда сам регулярно вляпываешься в одно и то же дерьмо. А это как раз мой случай.

Каждые три года я наступаю на те же грабли. Какое-то постоянное дежавю. Все в моей жизни повторяется. Я будто запрограммирован на повтор, как компакт-диск, когда нажмешь клавишу «Repeat». (Мне нравится сравнивать себя с механизмами, потому что механизмы легко починить.) Это не комизм повторяющейся ситуации, а вполне реальный кошмар: представьте себе высоченные русские горки с головокружительными петлями и отвесными спусками. Вы прокатились разок, и вам достаточно. Спускаетесь на землю, охая: «О-ля-ля! Три раза чуть не сблевал всю сахарную вату, чтоб еще когда-нибудь, да ни за что!» Так вот, мне, дураку, одного раза не хватило. У меня абонемент на Адскую Трассу. Атракцион «Space Mountain» – мой дом родной.

Я наконец понял фразу Камю: «Надо представить Сизифа счастливым». Он хотел сказать, что мы всю жизнь делаем одни и те же глупости, но это, быть может, и есть счастье. Придется мне освоиться с этой мыслью. Полюбить мое несчастье, потому что оно щедро на рецидивы.

Вот вам сон. Я толкаю свой камень по бульвару Сен-Жермен.

Останавливаюсь во втором ряду. Полицейский требует: «Проезжайте!» – и грозит оштрафовать меня за парковку камня в неподобающем месте. Мне приходится сдвигать его, и вдруг он выскальзывает у меня из рук и катится вниз по улице Сен-Бенуа все быстрее и быстрее. Мне его уже не остановить: надо сказать, эта гранитная глыба весит как-никак шесть тонн. Выкатившись на угол улицы Жакоб, он врезается в маленькую спортивную машину. Капот, дверца и красавчик за рулем – всмятку. Мне нужно подписать протокол на пару с сексапильной и заплаканной молодой вдовой. Я покусываю ее плечико. В графе «номерной знак» пишу: «С.И.З. И.Ф.» (подержанная модель). И толкаю камень дальше, вверх по улице Бонапарта, выбиваясь из сил, сантиметр за сантиметром, пока не закатываю его на автостоянку Сен-Жермен-де-Пре. Завтра все начнется сызнова. А вы представляйте меня счастливым.

XXXV

Ночь нежна

С тех пор как я решил покончить с ночной жизнью, каждый вечер куда-нибудь иду: надо же попрощаться. Шила в мешке не утаишь: все уже знают, что я один. Найти холостяка-всесексуала моих лет в Париже в 1995 году так же трудно, как бомжа в гштаадтском «Палас-отеле». Людям невдомек, что я умираю от горя: я всегда был худым, даже когда жил счастливо. Я шляюсь повсюду со своим отчаянием напоказ. Сегодня Алиса в очередной раз заявила мне, что не может больше лгать мужу и мы должны расстаться. Она обычно бросает меня в пятницу вечером, чтобы не мучиться совестью в выходные, а потом объявляется в понедельник после обеда. Так что я позвонил Жан-Жоржу и спросил, не принести ли вина к ужину или что-нибудь на десерт.

Я решил изменить Алисе с ее лучшей подругой. Жюли не пришлось долго упрасивать пойти со мной на этот ужин: я сказал ей, что мне очень плохо, а я давно заметил, что ни одна женщина не может устоять, когда ухажер ее лучшей подруги говорит, что ему очень плохо. Должно быть, это пробуждает в них чувство долга: самоотверженная сестра милосердия дремлет в каждой.

Жюли очень сексапильна, и в этом ее главная проблема. Она вечно сетует, что парни в нее не влюбляются. Действительно, прослеживается досадная тенденция: всем хочется перво-наперво завалить ее где попало, чтобы произвести пальпацию молочных желез, зачастую переходящую ниже. С ней особо не церемонятся, но это и ее вина: никакой закон не обязывает ее носить футболочки размера лет на восемь, заканчивающиеся повыше пупка, в который продето золотое колечко.

– Знаешь, если бы ты не давала сразу, они бы влюблялись. Мужчины – как рагу, их надо хорошенько потомить.

– То есть ты советуешь мне делать с мужчинами то же, что делает с тобой Алиса?

Не такая уж она дурочка, эта Жюли.

– Э-э... Вообще-то нет. Будь мила с парнями, их скорее пожалеть надо, это такие хрупкие создания.

Жан-Жорж все отлично устроил. У него умиротворенные души беседуют в добром согласии. Агрессивности нет места в его доме, хотя он всегда полон знаменитых артистов. Актеры, режиссеры, кутюрье,

художники и даже артисты, пока не нашедшие себя. Я заметил: чем одареннее люди, тем они симпатичнее. Это правило без исключений. Мы с Жюли уселись на софу и принялись за канапе.

– Ты давно его знаешь, этого Жан-Жоржа? – спросила она.

– Всю жизнь. Не суди по первому впечатлению: сегодня он может ни разу со мной не заговорить, но это мой самый лучший друг, ну в общем, один из немногих представителей моего пола, чье общество я могу выносить. Мы как пара педиков, только что не спим вместе.

– Ну что, – нежно шелестит она, выпрямляясь, так что два тугих шара плоти оказываются прямо перед моим носом, – скажешь мне, что с тобой стряслось?

– Алиса меня бросила, жена тоже, и у меня умерла бабушка. Я не знал, что можно быть таким одиноким.

Я жалуюсь, а сам под шумок продвигаюсь по софе все ближе к ней. Кадрить на вечеринках несложно: главное – сокращать расстояние. Надо уметь завоевывать позиции, сантиметр за сантиметром, так, чтобы это не слишком бросалось в глаза. Если вы положили глаз на девушку, подойдите к ней (дистанция 2 метра). Если она все еще нравится вам на этом расстоянии, заговорите с ней (дистанция 1 метр). Если она улыбается вздору, который вы несете, пригласите ее потанцевать или предложите выпить (дистанция 50 сантиметров). После этого сядьте рядом (дистанция 30 сантиметров). Как только у нее заблестят глаза, аккуратно заправьте ее прядь волос за ушко (дистанция 15 сантиметров). Если она позволяет поправлять ей прическу, говорите, наклонившись еще ближе (дистанция 8 сантиметров). Если дыхание ее учащается, прижимайтесь губами к ее губам (дистанция 0 сантиметров). Вся эта стратегия, разумеется, преследует цель достичь отрицательной дистанции вследствие проникновения инородного тела внутрь данной особы (приблизительно на 12 сантиметров, если брать среднестатистическую величину по стране).

– Я сир, как камень, – продолжаю, стало быть, я, сокращая зазор, отделяющий меня от непоправимого. – Нет, я несчастнее камня, от камней ведь никто не уходит и камни не умирают.

– Угум-м, круто... Киснешь, ясно.

Я начинаю недоумевать, что находит Алиса в этой очаровательной идиотке. Наверно, мне выдали дезу. Не может это быть ее лучшей подругой. Тем не менее я продолжаю свой номер.

– В общем-то... Счастливых писателей не бывает... Я имею то, что заслужил.

– Да ну? Почему? Разве ты пишешь книжки? А я думала, ты

устраиваешь праздники?

– Э-э... Да, верно, но я как-никак опубликовал там-сям, с грехом пополам, худо-бедно, несколько текстиков, – говорю я, глядя на свои ногти. – «Путешествие на край чего-то там», может, слышала?

– Э-э...

– Так это мое. Еще я написал «Невыносимую бесполезность бытия», а сейчас заканчиваю «Страдания молодого Марронье»...

– А когда твой следующий праздник? Пришлешь мне приглашение?

Есть девушки с такими коровьими глазами, что вы вдруг чувствуете себя пригородной электричкой. Но я должен сделать над собой усилие: если я с ней снюхаюсь, Алиса этого не переживет, держись, старик, надо.

– Знаешь, Жюли, в чем главное преимущество развода? Можно мыть руки, и мыло не остается на пальце...

– Да? А почему?

– Ну как же, из-за обручального кольца.

– А-а... понятно... С тобой обхохочешься.

– А у тебя сейчас кто-то есть?

– Нет. То есть да, несколько. Но никого всерьез.

– Как у меня.

– Нет, ты же влюблен в Алису.

– Ну да, ну да, но здесь все не так просто. Думаю, моя проблема в том, что влюбляться я влюбляюсь, а навсегда никак не получается.

В эту самую минуту я занимаю позицию на расстоянии миллиметра от ее «красиво очерченного» ротика. Кажется, в верхней губе есть немного коллагена. Я уже у цели, но тут она отворачивает лицо и подставляет мне щеку. Облом.

Ну все. Хватит валять дурака. Я встаю, оставив ее на софе в одиночестве. Бедняжка, я понимаю, почему мужчины обращаются с ней как с одноразовой бритвой. Да и вообще, даже трахни я эту штучку на твоих глазах, Алиса, тебе было бы глубоко плевать (скорее наоборот: тебя бы это возбудило). Я люблю тебя одну, и тебе придется с этим примириться, даже если ты не собираешься ничего менять в своей жизни. В твоём городе живет человек, который любит тебя и страдает, хочешь ты этого или нет. Лучше я буду повторять тебе это, чтобы рано или поздно ты уступила. Я останусь для тебя многотерпеливым влюбленным, тихой пыткой, непоколебимым искушением. Зови меня Танталом.

Несколько часов спустя, когда я, сидя на полу в кухне, листал «Ночь нежна» в старом карманном издании, Жюли охмуряла какого-то папашку и его сына, что кончилось классной семейной драчкой. В эти выходные я

опять набрался до чертиков. Мы не выходили от Жан-Жоржа три дня. Есть было нечего, кроме чипсов и виски «Four roses». Мы слушали только одну пластинку: «Rubber Soul» «Битлз». Кажется, в какой-то момент Жюльен наиграл мелодию на пианино. Лично я поднимался каждые три часа только для того, чтобы налить себе выпить, ведь что ни говори, а лучший способ не жалеть о чем-то – постараться это забыть.

XXXVI

Free-Lance^[19]

Я привыкаю к ожиданию. Даже хорошо: успокаивает. Заполняю свою пустыню Тартари чем придется. Вот, например, перепало: требуется «сигнатура» для раскрутки женских духов «Гипноз Дэвида Копперфильда», Лас-Вегас. Платят пятьдесят тысяч новых франков (половину, если идея не продается). Нужна короткая, задорная, хлесткая фразочка, которая вместила бы выгоды потребителя и одновременно выразила в позитивной манере «reason why». То есть внушить, что эти духи дадут возможность женщинам (цель) пленять мужчин (цель цели), причем не на одну ночь – на страсть вечную и прочную, что есть исключительно заслуга производителя. Я размышляю неделю и прихожу со следующим списком:

Не выходите замуж, лучше пользуйтесь «Гипнозом Копперфильда».

«Гипноз Копперфильда». Это не духи, а фокус.

«Гипноз Копперфильда». Духи на сегодняшний вечер, и на завтрашний вечер, и на все остальные вечера.

«Гипноз Копперфильда». Флакон с двойным дном, в котором скрыта история любви.

Пользуйтесь «Гипнозом» – действие гарантировано на всю жизнь.

«Гипноз Копперфильда» – не просто духи.

Пузырек «Гипноза» отшибает память.

«Гипноз Копперфильда». Когда все произойдет, притворитесь, будто ничего не помните.

Совещание проходит скверно. Все недовольны, и я в том числе. Выслушав их, я в тот же день уезжаю из Парижа в Вербье (Швейцария), на горнолыжный курорт Вале. Оттуда, после трех недель работы, я посылаю факсом слоган, который вы уже знаете и благодаря которому этот товар на целый год стал мировым лидером среди ароматов:

БЕЗ «ГИПНОЗА КОППЕРФИЛЬДА» ЛЮБОВЬ ЖИВЕТ ТРИ ГОДА.

XXXVII

Сентиментальный циник

Я сижу, как и каждый вечер, в уголке все того же кафе, в поисках выхода. Сколько я ни повторяю «я умер, я умер», а все равно живу. Я много раз мог умереть: под колесами машины (но вовремя отскочил), выпав из окна (но уцепился за дерево), заразившись вирусом (но надел презерватив). Как жаль. Умереть – меня бы это устроило. До сошествия в ад я боялся смерти. Сегодня она была бы освобождением. Я даже не могу понять, почему люди так убиваются, умирая. У смерти припасено для нас больше сюрпризов, чем у жизни. Я теперь жду дня моей смерти с нетерпением. Я буду счастлив покинуть этот мир и узнать наконец, что же потом. Те, кто боится смерти, нелюбопытны. Моя проблема в том, что ты – ее решение. Сильнее всех влюбляются самые отъявленные циники и пессимисты: это им на пользу. Мой цинизм только и ждал, чтобы жизнь его опровергла. Отрицают любовь как раз те, кто больше всех в ней нуждается: в каждом Вальмоне скрыт неисправимый романтик, которого хлебом не корми, дай забренчать на мандолине.

Ну вот, готово дело, опять начинается, западня захлопнулась, адский механизм сработал. Я опять мечтаю о большом доме с садом, залитым солнцем, или о стуке дождевых капель по крыше, мечтаю собрать букет фиалок, уединиться с ней подальше от города, чтобы любить друг друга снова и снова, пока не лопнем от счастья, пока не заплачем от блаженства и будем утешать друг друга ласками, что же делать, если нам так хорошо вместе, и дыня со льда и пармская ветчина, где Парма, там и Флоренция, Милан, если останется время...

XXXVIII

Переписка (III)

Третье письмо к Алисе:

"Милый страус!

Я думаю о тебе все время. Думаю о тебе утром, идя по холодку. Нарочно шагаю помедленнее, чтобы думать о тебе подольше. Думаю о тебе вечером, когда мне одиноко без тебя на вечеринках, где я напиваюсь, чтобы думать о чем-нибудь другом, но добиваюсь обратного эффекта. Я думаю о тебе, когда тебя вижу, и когда не вижу, думаю тоже. Мне так хотелось бы найти другое занятие, но я не могу. Если ты знаешь, как можно исхитриться тебя забыть, научи меня.

Я провел худший уик-энд в моей жизни. Никогда и ни по кому я так не скучал. Без тебя моя жизнь – зал ожидания. Что может быть хуже, чем зал ожидания в больнице, с неоновым освещением и линолеумом на полу? Человечно ли подвергать меня этому? Вдобавок я в моем зале ожидания один, здесь нет ни других страждущих, чьи кровоточащие раны успокоили бы меня, ни иллюстрированных журналов на низком столике, которые бы меня отвлекли, ни автомата, выплевывающего талончики с номерами, которые дали бы мне надежду, что ожиданию придет конец. Ужасно болит живот, и некому меня полечить. Это и есть состояние влюбленности: боль в животе, единственное лекарство от которой – ты.

Алиса. Кто бы мог подумать, что это имя займет такое место в моей жизни. Я слышал о несчастье, но не знал, что оно зовется Алисой. Алиса, я люблю тебя. Эти слова неразделимы. Тебя зовут не Алиса, а «Алиса-я-люблю-тебя».

Твой убитый горем Марк ".

Как и следовало ожидать, Алиса позвонила мне в понедельник. Она призналась, что сходит по мне с ума, и обещала, что больше мы никогда не расстанемся. Я медленно и нежно раздел ее в квартире, которую предоставил мне один друг. Сказать, что встреча была радостной, – значит ничего не сказать.

Эти полдня блаженства могли бы стать метрическим эталоном в Севре^[20] по разделу «высшее сексуальное наслаждение у двух человеческих существ взаимодополняющих полов». После этого, вопреки своему обещанию, она покинула меня около девяти вечера, еле живая, и я опять остался встречать наступающие часы в одиночестве.

XXXIX

Неуклонно вниз

Лучше предупредить вас сразу: не гарантирую, что эта история завершится «хэппи эн-дом». Последние недели входят в число самых печальных и чудесных воспоминаний моей жизни, и у меня нет оснований думать, что такая ситуация не продлится еще долго. Не получается у меня переломить судьбу, не из того она теста, которое легко лепить.

Конец света наступил на прошлой неделе. Алиса позвонила мне и сообщила новость: она уезжает отдыхать с Антуаном, чтобы попытаться склеить разбитую чашку. На этот раз все действительно кончено. Она повесила трубку, я тоже, мы даже не попрощались. Моя любовь – Хиросима. Видите, до чего страсть может довести человека: я почти цитирую Маргерит Дюрас^[21].

Я смотрю, как муха бьется в окно моей комнаты, и думаю, что она совсем как я: между ней и действительностью – стекло.

Двойная жизнь – роскошь для шизиков. Алиса ухитряется и рыбку съесть, и на кол не сесть: запретная страсть со мной, уютное гнездышко с мужем. Зачем иметь только одну жизнь, когда можно – несколько? Она меняет мужчин, как каналы по ящику (надеюсь хоть, что я – «Евроспорт»).

Все кончено. В.С.Е. К.О.Н.Ч.Е.Н.О. С ума сойти: я так легко написал эти десять букв, а принять их смысл не в состоянии. У меня иногда случаются приступы мегаломании: раз я ей не нужен, уговариваю я себя, так я ее больше не люблю! Она не стоит Меня! И тем хуже для этой дуры! Но гордость взг-рывает во мне ненадолго – инстинкт самосохранения недостаточно развит.

Я прошу меня извинить, писатели – люди нудные, надеюсь, я вас не слишком достал своими страданиями. Писать – значит жаловаться. Нет большой разницы между романом и рекламацией в Министерство связи.

Если бы я мог иначе, то не сидел бы в четырех стенах, стуча на машинке. Но у меня нет выбора: все равно я никогда не смогу говорить ни о чем другом.

Посмотрите, в кого я превратился... Я пишу такую же книгу, как все... Любовная чехарда... Мужчина бросает женщину ради другой, которая бросает его... Да что же это со мной? Где мои декадентские вечера? Я погряз в душещипательных историях, имеющих местом действия квартал Сен-Жермен-де-Пре... Какое-то новое французское кино... Расскажем о

проблемах людей, у которых нет проблем... Но я впервые ощущаю такую физическую потребность писать... Раньше, когда мне говорили об этой самой «необходимости», я делал вид, будто понимаю, но даже не представлял, что это такое... Даже в этом самобичевании я далеко не первопроходец (спасибо, Дрие, спасибо, Нурисье...^[22])— Мне не о чем больше рассказать... Рано или поздно это должно было из меня попереть... Пока ты не написал роман о своем разводе, считай, что ничего не написал... А может, не так уж и глупо считать свой случай закономерностью... Если я банален, значит, всечеловечен... Надо бежать от оригинальности, держаться вечных сюжетов... Осточертели интерпретации... Учусь искренности... Я чувствую: в недрах моего горя словно течет река, и, если бы мне удалось пробиться и дать выход ее водам, я оказал бы услугу «отдельным счастливым», стоящим на краю аналогичной пропасти. Я бы их предупредил, объяснил бы им все, чтобы их не постиг такой же удар. Я возьму на себя эту миссию и благодаря ей сам смогу лучше во всем разобраться. Но не исключено, что река так и останется подземной...

XL

Разговор в пятизвезднике

Жан-Жорж никогда не видел меня таким. Он отчаянно пытается оживить беседу, словно протягивает руку помощи утопающему. Мы сидим в баре роскошного отеля, уже не помню какого – мы посидели во всех. Я спрашиваю его:

– Скажи, ты веришь, что любовь живет три года?

Он смотрит на меня с жалостью.

– Три года? Ну ты и хватил! Какой ужас! Трех дней больше чем достаточно! Откуда ты взял эту чушь, стригунок?

– Кажется, это гормональное или биохимическое, что ли... Через три года все кончается, и ничего не попишешь. Печально, ты не находишь?

– Нет, пупсик. Любовь живет столько, сколько ей положено, мне это безразлично.

Но если ты хочешь, чтобы она прожила подольше, думаю, тебе надо научиться как следует скучать. Надо найти человека, с которым хотелось бы подышать от скуки. Поскольку вечной страсти не бывает, пусть хоть скучается с удовольствием.

– Да, возможно, ты прав... Как ты думаешь, у меня когда-нибудь это пройдет, я перестану гоняться за химерами?

– Да, цыпленок. Ты подходишь к проблеме не с того конца. Чем больше жаждешь увлечься, тем сильнее разочарование, когда все кончается. Нет, надо стремиться скучать, тогда будешь приятно удивлен, если вдруг окажется, что еще не обрыдло. Страсть не может быть «институционной», нормой должна быть скука, а страсть – вишенкой в пироге. Знаешь, кто боится скуки...

– ...Тот не в ладу с собой. Знаю, ты мне сто раз повторял... Пфф... Как посмотрю на друзей с женами, которые ненавидят друг друга, скучают, гуляют на сторону, лаются и не расстаются только ради сохранения семьи, – не жалею, что развелся... У меня, по крайней мере, остались прекрасные воспоминания о моем браке.

– Нет, шалунишка, я не Анну имею в виду, а Алису. Ты нафантазировал о ней с три короба, а ведь совсем ее не знаешь. Вот она, твоя болезнь: ты любишь сам не знаешь кого. Думаешь, ты бы выдержал, если бы тебе пришлось с ней жить? Вряд ли: вас ведь то и возбуждает, что вы не можете быть вместе. Лично я на твоём месте позвонил бы Анне.

– Жан-Жорж?
– Что, пупсенок?
– Не мели ерунды. Еще по стаканчику?
– О'кей, если платишь ты.
– Жан-Жорж, можно, я задам тебе один вопрос?
– Валяй.
– Ты когда-нибудь страдал от любви?
– Нет, ты же знаешь. Я никогда не влюблялся. Это мое самое большое несчастье.

– Иногда я тебе завидую. Я вот никогда не влюблялся НАВСЕГДА, это хуже.

Он молчит, и я начинаю жалеть, что задал этот вопрос. Его глядящие в сторону глаза подергиваются пеленой. Голос звучит на октаву ниже:

– Прекрати путать роли, охламон. Это я тебе завидую, и ты это прекрасно знаешь. Я-то страдаю с рождения. А ты сейчас впервые узнал боль, которую хотелось бы испытать мне. Давай сменим тему, пожалуйста.

Ну вот, мое несчастье к тому же заразно. Теперь мы оба в миноре, с чем нас и поздравляю.

– Ты думаешь, я негодяй?

– Да нет же, нет. Ты еще только учишься, ты всего лишь любитель, мой сладкий. У тебя еще все впереди. А вот...

– Что – вот?

– А вот на самом деле ты – блудливый гомик, и я тебе сейчас в эту дырку засажу!

С этими словами он, шельмец, хватает меня в охапку, мы скатываемся на пол, опрокинув стол, стаканы, кресла, и ржем вовсю, а бармен тем временем лихорадочно ищет в телефонном справочнике номер скорой психиатрической помощи больницы Святой Анны.

XLI

Домыслы

Ну вот, произошла ужасная вещь: я перестал снимать на ночь носки. Надо что-то делать, а то, глядишь, скоро начну пить собственную мочу. Я ворочался в постели, из головы не шли слова Жан-Жоржа. А что, если он прав? Надо позвонить Анне. В конце концов, если Алиса не хочет жить со мной, может, я зря развелся? Еще не все потеряно: многие снова влюбляются в своих бывших на другой день после развода. Взять хотя бы Аделину и Джонни. Нет, плохой пример. Ну-у... Лиз Тейлор и Ричарда Бартон. Тоже не лучше.

Я могу вернуть Анну. Мне нужно вернуть Анну. Все еще поправимо. Мы не все испробовали. Мы испробуем все. Мы ни о чем не говорили, щадя друг друга, так и расстались, ничего друг другу не сказав. Мы снова будем вместе, и еще посмеемся, вспоминая наш разрыв. Подумаешь, невидаль!

Нет, если подумать, то как раз невидаль. Раньше браки было не разрушить такими интрижками. Сегодня браки СТАЛИ интрижками. Общество, в котором мы родились, основано на эгоизме. Социологи называют это индивидуализмом, хотя есть объяснение попроще: мы живем в обществе одиночества. Нет больше семей, нет деревень, нет Бога. Наши предки избавили нас от всего лишнего, а взамен включили телевидение. Мы предоставлены самим себе и не способны заинтересоваться чем бы то ни было, кроме собственного пупа.

Все же у меня родился план. Я очень надеялся, что не придется прибегать к этой крайней мере, но отъезд Алисы с мужем требует ответного удара ядерной силы. На сей раз спрячем подальше чувство собственного достоинства. Мой план – позвонить Анне. Я берусь за телефон с улыбкой – дьявольской, хотелось бы верить, а на самом деле – всего лишь смущенной.

XLII

Трогательный маневр

– Сколько же мы не виделись? – спросил я Анну, потянув на себя столик, чтобы она смогла сесть на банкетку. Раньше в этом же ресторанчике мы любили ужинать, сидя рядышком, но раньше – это раньше, а сегодня мы сидим друг против друга.

Она с любопытством смотрит на меня, прежде чем ответить:

– Четыре месяца, одну неделю, три дня, восемь часов и (она говорит это, глядя на часы) шестнадцать минут.

– И сорок три секунды, сорок четыре, сорок пять...

Поначалу мы говорим о чем придется, обо всем, что позволяет избежать главного: о нашей работе, о наших друзьях, о наших воспоминаниях. Как будто всего, что произошло, просто не было. Но Анна не слепая, видит, что мне плохо, и ей тоже плохо оттого, что не она этому причиной. Она нервничает и за десертом начинает меня потихоньку доставать.

– Ну ладно, ты ведь не для того меня пригласил, чтобы посплетничать о старых друзьях. Что ты хочешь мне сказать?

– Ну... Дома остались твои вещи, я подумал, может, ты бы зашла их забрать. А заодно мы могли бы провести вместе уик-энд и посмотреть, вдруг...

– Чего? У тебя что, с головкой плохо? Мы развелись, забыл? Я отлично вижу, что ты влюблен не в меня, и потом, черт, я тебе не кукла, захотел – поиграл, захотел – бросил!

– Тс-с! Не так громко...

Я обращаюсь к соседям по столу.

– Мы разведены, я предложил ей куда-нибудь съездить на уик-энд, а она отказалась. Вот так, теперь вы все знаете. Можете больше не слушать? Или вам с этой мымрой, что сидит напротив, так дерьмово живется, что обязательно слушать про чужую жизнь?

Сосед вскакивает, я тоже, наши женщины нас растаскивают, в общем, какой-никакой экшн в этой книжке есть. Потом я расплачиваюсь по счету, и мы выходим из ресторана. На улице еще темнее, чем раньше. Мы идем и смеемся. Я прошу у нее прощения. Она говорит: ничего. Похоже, ей этот разрыв дался легче, чем мне.

– Марк, слишком поздно. Ничего уже не вернуть. Я люблю другого

человека, ты тоже – нам больше нечего делать вместе.

– Знаю, знаю, я смешон... Я думал, что мы могли бы еще раз попробовать... Ты точно не хочешь, чтобы я тебя проводил?

– Нет, спасибо, я возьму такси... Марк, я дам тебе один совет на будущее. В отношениях с женщинами тебе надо научиться ставить себя на их место.

А потом, когда уже пора прощаться, вдруг прошибают эмоции. Мы сдерживаем слезы, но они все равно льются, только внутри, под нашими лицами. Ее детский смех – больше я его не услышу. Тот, другой, будет слушать его вместо меня, если ей с ним весело. Анна стала чужой. Мы расстаемся, чтобы идти разными путями, каждый в свою сторону. Анна садится в такси, я тихонько захлопываю дверцу, она улыбается мне из-за стекла, и машина трогается... В хорошем кино я побежал бы за ее такси под дождем, и мы упали бы в объятия друг другу у ближайшего светофора. Или она вдруг передумала бы и умоляла бы шофера остановиться, как Одри Хэпберн– Холли Голайтли в финале «Завтрака у Тиффани». Но мы не в кино. Мы в жизни, где такси едут своей дорогой.

Мы покидаем сначала родительское гнездо, а потом, бывает, и свое первое семейное гнездо тоже, и всегда при этом ощущаем одну и ту же боль, потому что чувствуем себя навсегда осиротевшими.

XLIII

Пошлая сцена

Супруги ужинают, любовники обедают. Если увидите парочку в бистро в полдень, попробуйте щелкнуть фотоаппаратом – нарветесь на неприятности. Попробуйте сделать то же самое с другой парочкой вечером – вам улыбнутся и примут картинные позы под вашей вспышкой.

Вернувшись после супружеских каникул, Алиса позвонила мне. Хорошенько поставив себя на ее место, вообразив, что происходит в ее головке, я холодно предложил вместе пообедать.

– Я принесу проектор для слайдов.

Она не нашла меня забавным, и слава богу, потому что я не собирался ее забавлять. Едва придя, она клянется мне, что это было ужасно, уверяет, что они ни разу не занимались любовью, но я перебиваю ее:

– У меня все прекрасно. Уезжаю на уик-энд с Анной.

Мы-то знаем, что это неправда, все знают, кроме Алисы, которая метко поражена баллистической ракетой.

– А...

– Ну, – как-ни-в-чем-не-бывало-продолжаю-беседу-я, – как съездили?

Алиса дает мне пощечину, но почему-то сама раздражается рыданиями. Я в последнее время прямо-таки коллекционирую застольные мелодрамы. Удачно вышло: здесь у нас нет соседей. Неудачно вышло: и Алиса убежала. Скучно теперь будет в ресторане. Я могу сколько угодно смаковать свою месть, все равно «я остался один, с сердцем, полным подаяний» (Поль Моран^[23]), и опять принимаюсь пить гектолитрами, так что вскоре уже на ногах не стою, да и не сижу. Пообедал, называется, опять ни крошки во рту. Месть – блюдо несъедобное.

Не то удивительно, что наша жизнь – пьеса, а то, что в ней так мало действующих лиц.

XLIV

Переписка (IV)

Последнее письмо к Алисе:

"Любовь моя!

Уик-энд с Анной ничего не дал. Не будем больше об этом. Как и ты, я хотел определиться, быть уверенным в том, что сделал правильный выбор. Прости, что так обидел тебя. Еще мне хотелось, чтобы ты почувствовала, как сильно я страдал, когда ты уехала. Это глупо, я понимаю. Потому что ты никогда не узнаешь, как больно ты мне сделала.

Алиса, мы с тобой созданы друг для друга. Это просто жуть. Все с тобой прекрасно, даже я. Но мне страшно, что тебе страшно. Невыносимо, что я не единственный мужчина в твоей жизни. Я ненавижу твое прошлое, оно застит мое будущее.

Хотелось бы, чтобы от всей этой боли был хоть какой-то прок. Почему ты мне не доверяешь? Потому что я шальной? Не принимаю упрека, ты ведь тоже шальная. Ты думаешь, мы любим друг друга исключительно потому, что это сложно? В таком случае надо расстаться. Лучше быть несчастным без тебя, чем с тобой.

Наша любовь неискоренима, в голове не укладывается, как ты этого не понимаешь. Я твое будущее. Я здесь, я существую, и ты не можешь жить дальше так, будто меня нет. Уж извини. Как говорят «Незнакомцы»^[24]: «Это твоя Судьба».

Мы не имеем права отказываться от счастья. Большинству людей такого везения не выпадает. Они нравятся друг другу, но не влюбляются. Или влюбляются, но у них не клеится в постели. Или в постели все хорошо, но им нечего сказать друг другу потом. А у нас с тобой все есть, вот только нет ничего, потому что мы не вместе.

То, что мы делаем, – непростительно. Хватит терзать друг друга. Это преступление – не поспешить быть счастливыми, когда представляется наконец такая возможность. Мы чудовища по отношению к самим себе. Сколько можно? Ради кого? Бесчеловечно так мучить себя и других просто так, за здорово живешь. Никто нас не упрекнет за то, что мы не упустили свой шанс.

Это действительно будет мое самое последнее письмо. Я не могу больше играть в кошки-мышки. Я сокрушен, раздавлен, я жду у твоих ног – добей меня. Есть такой предел боли, когда теряешь всякую гордость. Я

пишу не для того, чтобы просить тебя прийти, – я пишу, чтобы предупредить: я всегда буду ждать. Дашь знак – и мы начнем разводить страусов. Не дашь – я все равно буду здесь, поблизости, на одной с тобой планете, ждать тебя. Я люблю тебя до безумия, ты одна мне нужна, я думаю только о тебе, я принадлежу тебе душой и телом.

Твой Марк, который плакал, когда писал это письмо".

XLV

И вот

И вот я берусь за перо, чтобы сказать, что люблю ее, что у нее самые длинные на свете волосы и моя жизнь утонула в них, а если тебе это смешно, мне жаль тебя, ее глаза для меня, она – это я, я – это она, и когда она кричит, я тоже кричу, и все, что я в жизни сделаю, я сделаю для нее, всегда, всегда я буду отдавать ей все, и до самой смерти не будет ни одного утра, чтобы я встал с другой мыслью, кроме мысли о ней, и буду любить ее так, чтобы она любила меня, и целовать снова и снова ее руки, ее плечи, ее груди, и тогда я понял, что человек, когда он влюблен, пишет слова, которым нет конца, и некогда ставить точки, надо писать, писать, бежать впереди собственного сердца, и фраза тянется и тянется, в любви нет пунктуации, и страсть истекает слезами; когда любишь, обязательно пишешь и не можешь остановиться; когда любишь, обязательно воображаешь себя Альбером Козном^[25], Алиса со мной, Алиса бросила Антуана, она ушла, наконец-то, наконец, и мы взлетели, в переносном смысле и в прямом, первым самолетом в Рим, конечно, куда же еще, отель «Англетер», пьядца Навона, фонтан Треви и вечные желания, прогулки на «веспе»; когда мы попросили шлемы, парень из проката мотороллеров все понял и сказал: слишком жарко, любовь, любовь без остановки, три, четыре, пять раз на дню, конец уже болит, никогда вы не ловили такого кайфа, все начинается заново, вы больше не одиноки, небо розовое, без тебя я был ничем, наконец-то я дышу, мы идем, не касаясь ногами мостовой, в нескольких сантиметрах над землей, никто этого не замечает, кроме нас, мы на воздушных подушках, мы улыбаемся римлянам просто так, без причины, нас принимают за даунов, за сектантов, мы из секты Улыбающихся в Левитации, все стало теперь так легко, шагаем левой-правой, и это счастье любовь жизнь томато-моцарелла залитые оливковым маслом «паста» с пармезаном, никогда не доедаем, оставляем на тарелках, слишком заняты смотрим в глаза друг другу гладим друг другу руки опять хотим, кажется, мы не спали уже десять суток, десять месяцев, десять лет, десять веков, солнце на пляже Фреджене поляроидные снимки как тот что нашла Анна в сумке в Рио, дышать и смотреть на тебя, больше ничего не надо, это навсегда, на всю жизнь и навеки, просто не верится, с ума сойти, как радость жизни нас распирает, со мной никогда такого не было, а ты чувствуешь то же, что чувствую я? Ты никогда не полюбишь меня так, как я

тебя люблю, нет, это я люблю тебя сильнее, чем ты меня, нет, я, нет, я, ладно, мы оба, как это здорово стать полным идиотом, бежать к морю, ты создана для меня, какими словами выразить нечто столь прекрасное, это как будто, как будто мы вышли из непроглядно черной ночи на ослепительный свет, как балдеж под экстази, который никогда не кончится, как боль в животе, которая вдруг прошла, как первый глоток воздуха, который вдыхаешь, вынырнув из воды, как один ответ на все вопросы, дни пролетают, словно минуты, забываешь обо всем, рождаешься каждую секунду, не думаешь ни о чем плохом, мы живем минутой вечно, страстно, сексуально, изумительно, неотразимо, над нами ничто не властно, мы знаем, что сила нашей любви спасет мир, о, мы просто до ужаса счастливы, тебе надо подняться в номер, подожди меня в холле, я сейчас, ты вошла в лифт, а я помчался вверх по лестнице, прыгая через ступеньки, и кто же встретил тебя у лифта – я, ох, мы чуть не плакали, расставаясь всего на три минуты, когда ты надкусила спелый-преспелый персик сладкий сок потек по твоим загорелым ляжкам о черт я хочу тебя все время, снова и снова, смотри что я наделал тебе на лицо, о Марк, о Алиса, я кончаю, до-оолго, здооорова, мы не видели ни одного памятника в этом городе, готово дело ее одолел смех, да что я такого сказал смешного, это нервное, я потрясаяще кончила обожаю тебя, любовь моя, а какой сегодня день?

Часть II

Три года спустя на форментере

I

День X-7

«Каса-Ле-Мульта». Вот я и на Форментере, приехал дописывать этот роман. Он будет последним: я заканчиваю трилогию (в первом я влюбился; во втором – женился; в третьем – развожусь и снова влюбляюсь. Тема исчерпана). Сколько ни пытайся сказать новое слово в области формы (оригинальные словечки, англицизмы, прикольные обороты, рекламные слоганы и прочее) и содержания (найтклаббинг, секс, наркотики, рок-н-ролл...), очень скоро понимаешь, что все, чего тебе хочется, – написать роман о любви очень простыми словами – в общем, самая трудная задача.

Я слушаю шум прибоя. Наконец-то я никуда не тороплюсь. Скорость мешает быть собой. Здесь смотришь на небо и видишь, как проходят дни. В моей парижской жизни неба нет. Родить завлекаловку, факсануть статейку, поговорить по телефону, все в темпе, бегом, с совещания на совещание, в обед перехватишь что-нибудь всухомятку, в темпе, в темпе, мчишься на мотороллере, чтобы с опозданием прибыть на коктейль. Бредовая жизнь, давно пора было притормозить. Сосредоточиться. Заняться только одним делом. Оценить красоту тишины. Насладиться неспешностью. Услышать запахи и краски. Все эти вещи, от которых нас хотят отлучить.

Все никуда не годится. Все надо перестроить в этом обществе. Сегодня у кого есть деньги, те не имеют времени, а у кого есть время, не имеют денег. Бросить работу так же трудно, как устроиться безработному. Бездельник – враг общества номер один. Людей вяжут деньгами: они жертвуют свободой, чтобы платить налоги. Нечего ходить вокруг да около: задачей грядущего века будет уничтожение диктатуры предприятия.

Форментера, маленький островок... Спутник Ивисы в созвездии Балеар. Форментера – это Корсика без бомб, Ивиса без ночных клубов, Мустик без Мика Джаггера, Капри без Эрве Вилара, Страна Басков без дождя.

Белое солнце. Прогулка на «веспе». Жара и пыль. Высохшие цветы. Бирюзовое море.

Запах сосен. Пение сверчков. Пугливые ящерицы. Овечки: ме-е-е!

– Ме-е-елочные вы, – осуждаю я их.

Красное солнце. Gambas a la plancha. Vamos a la playa^[26]. Звезды на небе. Джин соп лимон. Я искал покоя, так это здесь, где слишком жарко, чтобы писать длинные фразы. Можно быть на каникулах не только в коме.

Море полно воды. Небо в непрерывном движении. Звезды падают. Дышать воздухом – занятие на полный рабочий день, всегда бы так.

Это история про парня, который уезжает один-одинешенек на остров, чтобы дописать книгу. Жизнь у парня сумасшедшая, и ему странно оказаться наедине с собой, на лоне природы, без телевизора, без телефона. В Париже он вечно спешит, такой весь из себя энергичный, а здесь сидит весь день на одном месте, по вечерам прогуливается, всегда один. Барнабут во Флоренции, Байрон в Венеции, панда в Венсенском зоопарке – вот его образцы для подражания. Единственный человек, с которым он здороваются, – официантка из «Сан-Франческо». Парень носит черную рубашку, белые джинсы и итальянские шкузы. Пьет пастис и джин с лимоном. Трескает чипсы и тортильяс. Слушает только одну пластинку: «Крейцерову сонату» в исполнении Артура Рубинштейна. Вчера, говорят, кто-то даже видел, как он аплодировал голу французов в матче Франция-Испания, что бестактно, но требует мужества, если ты в бистро единственный француз, в Испании, в порту. Если бы вы встретили этого парня, вы бы наверняка подумали: «Что, спрашивается, забыл этот придурок в Фон-да-Пепе не в сезон?» Мне это немного обидно ввиду того, что парень-то – я. Так что полегче на поворотах, спасибо. Я – отшельник, улыбающийся теплему ветерку.

Через неделю будет ровно три года, как я живу с Алисой.

II

День X– 6

Ладно, так вот, когда Алиса ушла от Антуана, и потом, когда мы поселились вместе на улице Мазарини (на улице, где умер Антуан Блонден), не стану скрывать, порой мне бывало тревожно. Счастье страшит сильнее, чем горе. Я получил то, чего хотел больше всего на свете, – это наполнило меня ликованием и одновременно повергло в сомнение. Что, если я повторю прежние ошибки? Что, если я – всего лишь циклический романтик? Теперь, когда она со мной, вправду ли я хочу этого? Не стану ли чересчур нежным? Не придется ли мне с ней скучать? Когда же я перестану себя накручивать, японский бог? Антуан хотел убить меня, убить ее, убить себя. Наша совместная жизнь строилась на пепелище двух разводов – две человеческие жертвы потребовались, чтобы родилась новая любовь. Шумпетер^[27] называл это «созидательным разрушением», но Шумпетер был экономистом, а экономисты редко бывают сентиментальны. Мы разрушили две семьи, чтобы остаться вместе, – точно «блоб»^[28], который растет, заглатывая свои жертвы. Счастье – такая чудовищная штука, что если вы сами от него не лопнете, то уж как минимум пары-тройки убийств оно от вас потребует.

Жан-Жорж приехал ко мне на Форментеру. Вместе мы обозреваем окрестности, потом наносим визит рыбам в море. Он пишет пьесу для театра, а стало быть, пьет наравне со мной.

Под винными парами сложился стишок:

Фор-мен-те-ра!

Я в форме! Ура!

Нам встречаются поддатые парочки престарелых хиппи – они так и остались здесь, неразлучники, с шестидесятых годов. Как им удалось продержаться так долго? У меня даже слезы наворачиваются на глаза. Я покупаю им травку. В маленьких кафе мы с Жан-Жоржем напиваемся вдрызг, играя на бильярде. Он рассказывает мне о своих амурных делах. Он встретил женщину своей жизни и впервые счастлив.

– Любовь – единственное, ради чего стоит жить, – говорит он.

– А дети?

– Ни в коем случае! Рожать детей в таком мире? Преступление! Эгоизм! Нарциссизм!

– Ну, у меня-то с женщинами получается кое-что получше детей: я от них произвожу на свет книги, – назидательно сообщаю я, подняв палец.

Мы косимся на официантку. Аппетитная штучка в коротеньком болеро, матовая кожа чуть подернута пушком, большие черные глаза, горделивая осанка, неприступный вид индейской скво.

– Она похожа на Алису, – говорю я. – Если я пересплю с ней, то все равно сохраню верность.

Алиса осталась в Париже, она приедет ко мне через неделю.

Через шесть дней будет ровно три года, как я живу с ней.

III

День X – 5

Официантку в платье с голой спиной зовут Матильда. Хоро-о-ошая девушка. Жан-Жорж спел ей песню Гарри Белафонте: «Matilda she take me money and run Venezuela»^[29].

Я, пожалуй, мог бы в нее влюбиться, если бы не скучал так сильно по Алисе. В баре «Сес Рокес» мы пригласили ее потанцевать. Она хлопала в свои матовые ладошки и покачивала бедрами, длинные волосы колыхались. У нее были небритые подмышки. Жан-Жорж спросил:

– Простите, мадемуазель, мы ищем, где бы переночевать. У вас не найдется местечка, por favor?^[30]

Она носила тонкую золотую цепочку на талии и такую же – на лодыжке. Жаль, но Матильда не взяла наши деньги и не сбежала в Венесуэлу. Но косяки с нами крутила, пока все мы не уснули под открытым небом. У нее были длинные ловкие пальцы. Она старательно лизала папиросную бумагу. Кажется, нас всех забрало, даже ее.

Когда мы вернулись в Касу, Матильда сграбастала мой член. Киска у нее была огромная, но мускулистая и пахла каникулами. Ее волосы воняли коноплей. Она орала так громко, что Жан-Жоржу пришлось занять ее рот, чтобы заткнулась; потом мы поменялись местами, а в итоге дружно эякулировали на ее большие крепкие сиськи. Я кончил и тут же проснулся – весь в поту, умирая от жажды. Настоящему отшельнику не следует увлекаться экзотическими травками.

Через пять дней будет ровно три года, как я живу с Алисой.

IV

День X – 4

Мужчина без женщины дичает: несколько дней одиночества – и он перестает бриться, мыться, урчит по-звериному. Человеку понадобилось несколько миллионов лет, чтобы прийти к цивилизации, а вернуться в неандертальское состояние можно дней за шесть. Я все больше похожу на обезьяну. Чешу между ног, ковыряю в носу и ем козявки, хожу раскорякой. За столом набрасываюсь на жратву, ем руками, закидываю в себя, как в помойку, все подряд: колбасу со жвачкой, сырные чипсы с молочным шоколадом, кока-колу с вином. После еды рыгаю, пукаю и харкаю. Вот вам портрет молодого французского писателя-авангардиста.

Алиса явилась сюрпризом. Она закрыла мне руками глаза на рынке в Моле, хотя я ждал ее приезда только через три дня.

– Угадай, кто это?

– No se^[31]. Матильда?

– Мерзавец!

– Алиса!

Мы упали друг другу в объятия.

– Ну ты даешь, вот это сюрприз так сюрприз!

Черт, кто меня тянул за язык?

– Признайся, ты ведь не ждал меня, а? Кстати, кто такая Матильда?

– Да так... Жан-Жорж вчера подцепил аборигенку.

Если это и не называется счастьем, то, во всяком случае, очень на него смахивает: мы лакомимся местной ветчиной на пляже, вода теплая, Алиса загорела, и глаза у нее стали совсем зелеными. После обеда мы ложимся вздремнуть. Я слизываю морскую соль с ее спины. Сна у нас ни в одном глазу. Пока мы занимаемся любовью, Алиса мне перечисляет, сколько парней в Париже умоляли ее бросить меня. А я подробно рассказываю вчерашний эротический сон. Почему у всех женщин, которых я люблю, такие холодные ноги?

Жан-Жорж с Матильдой присоединяются к нам перед ужином. Вид у них очень влюбленный. Они успели выяснить, что оба потеряли в этом году отцов.

– Но для меня это тяжелее, потому что я женщина, – вздыхает Матильда.

– Терпеть не могу женщин, влюбленных в своих отцов, особенно в

покойных, – говорит Жан-Жорж.

– Не влюблены в своих отцов только фригидные женщины и лесбиянки, – уточняю я.

Алиса и Матильда танцуют вдвоем – ни дать ни взять, две сестрички-кровосмесительницы. Хорошо, мы не успели ничего испортить, расстаемся с сожалением и отыгрываемся каждый у себя в комнате.

Перед тем, как уснуть, я совершаю наконец революционный поступок – снимаю часы. Чтобы любовь жила вечно, достаточно забыть о времени. Это современный мир убивает любовь. Может, тут нам и поселиться? Здесь все недорого. Я буду посылать статьи в Париж по факсу, возьму аванс в нескольких издательствах, время от времени можно проворачивать рекламную кампанию через Интернет...

И будем мы подыхать со скуки.

Черт, опять эта тревога. Я чую близкую опасность. Я сам себе осточертел. Вот бы кто-нибудь сказал мне, чего я хочу. Никуда не денешься, временами наша страсть становится нежностью. Неужели механизм опять запущен? Надо восполнять эндорфины. Я люблю ее – и все-таки боюсь, как бы мы не заскучали. Иногда мы нарочно играем в зануд. Она говорит мне:

– Ладно, схожу-ка я в магазин... Скоро вернусь...

Я отвечаю:

– А потом пойдем гулять...

– Собирать розмарин...

– Обедать на пляже...

– Покупать газеты...

– Ничего не делать...

– Или покончим с собой...

– На Форментере – умереть красиво можно только одним-единственным способом – упасть с велосипеда, как певица Нико^[32].

Если мы шутим на эту тему, говорю я себе, значит, все еще не так страшно.

Напряжение возрастает. Через четыре дня будет ровно три года, как я живу с Алисой.

V

День X – 3

С Алисой мы занимаемся любовью не так часто, зато все лучше и лучше. Я до квадратного сантиметра знаю ее излюбленные местечки. Она закрывает мне глаза. Раньше она кончала через раз, теперь – не пропускает ни разу. С обеда до вечера она не мешает мне писать. Пока я работаю, жарится на солнышке на пляже. Возвращается к шести, и я готовлю ей ледяной коктейль. Проверяю, везде ли одинаково хорош ее загар. Пью сок ее грейпфрутов. Она сосет меня, потом я ей вставляю сзади. После этого она через мое плечо читает написанное и просит убрать «вставляю сзади». Я уступаю, пишу «беру ее», а когда она отворачивается, делаю одну маленькую операцию на своем «Макинтоше». Такова цена изящной словесности, История Литературы – длинная цепь предательств, надеюсь, Алиса меня простит.

Я не хочу дочитывать «Ночь нежна»; у меня какое-то нехорошее предчувствие: по-моему, не все ладно у Дика Дайвера с Николь. Я слушаю «Крейцерову сонату» и вспоминаю одноименный роман Толстого. Обманутый муж убивает жену. Скрипка и фортепьяно Бетховена навяли ему этот дуэт. Я слышу, как они сходятся, заглушают друг друга, взмывают, расстаются, мирятся, ссорятся и, наконец, сливаются в финальном крещендо. Это музыка жизни вдвоем. Скрипка и фортепьяно не могут звучать поодиночке...

Если из нашей истории ничего не выйдет, я стану законченным скептиком. Никогда и никому я уже не смогу дать так много. Неужели на старости лет мне останется только ублажаться с дорогими шлюхами и видеокассетами?

Нет, у нас должно получиться.

Мы должны миновать трехлетний рубеж. Ну что я за человек, меняю мнение каждую секунду.

Может, нам лучше пожить врозь. Жизнь вдвоем так выматывает.

Для меня не существует никаких табу, и обмен партнерами меня не шокирует. В конце концов, если уж быть рогоносцем, так лучше устроить это самому. Свободный союз – это выход: адюльтер под контролем.

Нет. Я знаю: нам надо завести ребенка, и поскорее!

Я боюсь сам себя. Обратный отсчет пошел, истекают Дамокловы дни. Через три дня будет ровно три года, как я живу с Алисой.

VI

День X-2

Глупо желать незыблемой жизни. Мы хотим, чтобы время остановилось, чтобы любовь была вечной и ничто никогда не угасало, – хотим всю жизнь нежиться в золотом детстве. Мы возводим стены, чтобы оградить себя, и эти самые стены станут когда-нибудь тюрьмой.

Теперь, когда я живу с Алисой, я не строю больше стен. Я принимаю каждое мгновение с ней как подарок. Оказывается, тосковать можно и по-настоящему. Иногда мне бывает так хорошо, что я говорю себе: «Надо же! Я ведь буду потом об этом жалеть: надо постараться не забыть эти минуты, чтобы было что вспомнить, когда все станет плохо». Я понял одну вещь: чтобы любовь не прошла, в каждом должно быть что-то неуловимое. Не допустить пресности – нет, это не значит подстегивать себя искусственно созданными дурацкими встрясками, просто надо уметь удивляться чуду каждого дня. Быть щедрым и не мудрить. Ты точно влюблен, когда начинаешь выдавливать зубную пасту на другую, не свою щетку.

Я узнал главное – чтобы стать счастливым, надо пережить состояние ужасной несчастливости. Если не пройти школу горя, счастье не может быть прочным. Три года живет та любовь, что не штурмовала вершины и не побывала на дне, а свалилась с неба готовенькая. Любовь живет долго, только если каждый из любящих знает ей цену, и лучше расплатиться авансом, не то предъявят счет апостериори. Мы оказались не готовы к счастью, потому что были не приучены к несчастью. Нас ведь растили в поклонении одному богу – благополучию. Надо знать, кто ты есть и кого ты любишь. Надо завершиться самому, чтобы прожить незавершенную историю.

Я надеюсь, что лживое название этой книги вас не слишком достало: конечно, любовь живет вовсе не три года; я счастлив, что ошибся. Подумаешь – книга опубликована в издательстве «Грассе», это не значит, что в ней написана непременно правда.

Я не знаю, что готовит мне прошлое (как говаривала Саган), но иду вперед, трепеща от ужаса и восторга, потому что выбора у меня нет, вперед, не так беспечно, как прежде, но вперед, несмотря – вперед, вопреки – вперед, и клянусь вам, это прекрасно.

Мы любим друг друга в прозрачной воде безлюдной бухточки. Танцуем на верандах. Обнимаемся на углу плохо освещенного переулочка,

потягивая «Маркес де Касерес»^[33]. И все время едим. Вот она наконец, настоящая жизнь. Когда я попросил Алису выйти за меня замуж, она дала мне ответ, полный нежности, романтики, пронительности, красоты и теплоты:

– Нет.

Послезавтра будет ровно три года, как я живу с ней.

VII

День X-1

Неотвратимо светит солнце. Может быть, мало кто заметит, но я не один час бился над этой фразой. Щебечут птицы, и только поэтому я замечаю, что уже день. В это лето «Фуджиз» исполнили «Killing me softly with his song» Роберты Флэк, и я знаю, что буду об этом вспоминать.

– Ты знаешь, Марк, что завтра у нас годовщина, три года, как мы вместе?

– Тс-с! Замолчи! Плевать на годовщины, и знать ничего не хочу!

– А по-моему, это здорово, не понимаю, с какой стати ты хамишь.

– Ничего я не хамлю, просто мне надо работать.

– Сказать тебе? Ты – самовлюбленный эгоист, до такой степени зациклился на себе, что просто тошно.

– Чтобы любить кого-то, надо сначала полюбить себя.

– Ты так любишь себя, что больше тебя ни на кого не хватает, вот в чем твоя проблема!

Она укатила на моем мотороллере, оставив за собой волшебный шлейф пыли на ухабистой дороге. Я не пытался ее догнать. Через несколько часов она вернулась, и я попросил прощения, целуя ей ноги. Обещал, что мы устроим барбекю вдвоем, чтобы отпраздновать нашу годовщину. Цветы в саду были желтые и красные. Я спросил ее:

– Через сколько времени ты меня бросишь?

– Через десять килограммов.

– Эй! Я-то тут при чем, если от счастья толстеют?

В это самое время в Париже один артист по имени Бруно Ришар записал в своем дневнике такую фразу: «Счастье – это молчание несчастья». Он может спокойно умирать.

Завтра будет ровно три года, как я живу с Алисой.

VIII

День X

Вот и настал последний день лета. Конец, конец ощущается во всем на пляжах Форментеры. Уехала, не оставив адреса, Матильда. Ветер протискивается за каменные оградки и путается под ногами. Непреклонно синее небо. Ширятся владения тишины на Балеарских островах.

Эпикур призывает жить одним днем, полнотой простого удовольствия. Вправду ли стоит предпочесть удовольствие счастью? Чем задаваться вопросом, сколько живет любовь, наслаждаться минутой – не лучший ли способ ее продлить? Мы будем друзьями. Друзьями, которые держатся за руки, загорают, целуясь взасос, нежно овладевают друг другом, прислонясь к стене виллы и слушая Эла Грина, – но все же друзьями.

Великолепный денек выдался в честь нашей годовщины. Мы были на пляже, купались, спали, счастливые из счастливых. Бармен-итальянец в пляжном киоске узнал меня:

– Hello, me friend Marc Marronnier!^[34] Я ответил ему:

– Марк Марронье умер. Я убил его. Отныне здесь только я, а меня зовут Фредерик Бег-бедер.

Он ничего не расслышал из-за музыки, которая орала на всю катушку. Мы поделили на двоих дыню и порцию мороженого. Я снова надел часы. Я стал наконец самим собой, примирившись с Землей и со временем.

И наступил вечер. Мы зашли к Ансельмо выпить джинкас и послушать, как плещется море о волнорез, а потом вернулись в Касу.

В ночи светились звезды и свечи. Алиса приготовила салат из авокадо с помидорами. Я зажег ароматическую палочку. Потрескивающий радиоприемник передавал старые записи фламенко. Отбивные из ягненка жарились на мангале. На стене между голубыми плитками прятались ящерицы. Сверчки вдруг разом заткнулись. Она села рядом со мной, улыбаясь от полноты чувств. Мы выпили розового вина, по две бутылки. Три года! Обратный отсчет закончился! Вот чего я не понимал: ведь обратный отсчет – это начало. Конец обратного отсчета – и взлетает ракета. Аллилуйя! О радость! О чудо! А я-то, дурак, боялся!

Удивительно в этой жизни то, что она продолжается.

Мы целовались, неспешно, переплетя руки, под оранжевой луной, на пороге будущего.

Я посмотрел на часы: было 23.59.

Вербье-Форментера, 1994-1997

notes

Примечания

Хрестоматийная для французов повесть Бенжамена Констан (1767-1830)

Каипиринхас – бразильский коктейль

По-французски слова «адюльтер» и «взрослый» (adulte) одного корня.

Цитата из книги Андре Жида «Яства земные»

Автоответчики «Би-Боп» и «3672 Мемофон» – технологические новинки, предназначенные специально для неверных супругов, которыми компания «Франс-Телеком» надеется заслужить прощение за предательскую клавишу «бис» и бесценную для наркоторговцев «Тату» (система электронной почты минитея)

Милу – персонаж комиксов французского художника Эрже

Намек на мультфильм Диснея «Книга Джунглей» и актрису Клаудию Кардинале в фильме Висконти «Леопард»

Парли-2 – новый город в предместье Парижа

Имеется в виду Национальный центр искусства и культуры имени Жоржа Помпиду в Париже, здание экспериментальной архитектуры, нелюбимое большинством парижан

Намек на популярные во Франции «мыльные оперы»

Игра слов: sante – здоровье (фр.), Сантэ – название парижской тюрьмы

Попай и его жена Оливия – герои комиксов американского карикатуриста Элзи Сегара

Жертва моды (англ.)

Раймон Радиге (1903-1923) – французский писатель

«Улица красных фонарей» в Париже

«Любовники с Нового Моста» – культовый фильм Лео Каракса

Все, ребята! (англ.)

Прозак – сильный антидепрессант

Журналист «на вольных хлебах» (англ.)

В Севре находится Международная палата мер и весе

Маргерит Дюрас (1914-1996) – французская писательница, автор сценария к фильму Алена Рене «Хиросима, любовь моя»

Пьер Дрие ла Рошель(1893-1945) –французский писатель; Франсуа Нурисье (род. 1927)– французский писатель

Поль Моран (1888-1976)-французский писатель

«Незнакомцы» – группа французских комиков

Альбер Коэн (1895-1981) –швейцарский франкоязычный писатель; его роман «Право первой ночи» считается лучшим романом о любви во франкоязычной литературе XX века

Креветки на блюде. Идем на пляж {исп.)

Йозеф Шумпетер (1883-1950) – американский экономист

«Блоб» – фантастический фильм, в котором желеобразная масса захватывает мир, поглощая все на своем пути

Матильда взяла у меня деньги и сбежала в Венесуэлу (англ.)

Пожалуйста (исп.)

Не знаю (исп.)

В то время, когда была прожита эта книга, Жан-Эдерн Алье еще не последовал ее примеру... (Прим. авт.)

«Маркес де Касерес» – испанское вино

Привет, мой друг Марк Марронье! (англ.)